

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат • Избранное • Выпуск 19

Пытки заключенных в тюрьмах Грузии

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат • Избранное • Выпуск 19

Пытки заключенных в тюрьмах Грузии

ПОСЕВ 1975

Выходит 4 раза в год

**© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1975
Frankfurt/Main
Printed in Germany**

СООБЩЕНИЕ О ПЫТКАХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ ГРУЗИИ

Тбилисские тюрьмы переполнены заключенными. В последние годы проводится особенно много арестов в связи с тем, что в республике наводится «порядок».

Крайне ничтожная заработная плата, тяжелые экономические условия, дороговизна вызвали то, что люди ищут средства на существование, прибегая к незаконным путям. Однако правительство, вместо того, чтобы исправить положение улучшением экономического состояния страны, начало массовые аресты. При этом арестовываются большей частью люди, которые занимают незначительные посты, а те, которые занимали крупные посты и совершали преступления наиболее тяжкие, продолжают оставаться на своих постах или же просто освобождаются от должностей. Среди преступных лиц, занимавших значительные должности, арестованы только Н. С. Джавахидзе (зав. «Цекавшири» торговой организации, депутат) и П. Г. Гелбахиани (ректор медицинского института, член ЦК, депутат). «Чистка» меньше всего коснулась органов суда и прокуратуры, МВД, КГБ, в то время как главные взяточники и преступники действуют именно здесь.

Недавно стала явной преступная деятельность сотрудников следственного изолятора г. Тбилиси, которые всякими пытками и садистскими мето-

дами заставляли заключенных признаться в таких преступлениях, которых они никогда не совершали. В тюрьме есть специальная камера № 40, в которой действует банда «наседок»-садистов. О деятельности этой банды, в частности, палача Ю. Цирекидзе, повествует жалоба осужденного К. Цулая. Надо отметить, что палач Цирекидзе во время пыток недавно убил человека и теперь он сам должен предстать перед судом. Его, по всей вероятности, расстреляют, ибо администрация хочет «избавиться» от него. Узнав об этом, Ю. Цирекидзе написал заявление на 150 страницах и отослал его во все инстанции. В этом завлени повествуется, как ему поручали работники прокуратуры и МВД пытать заключенных для дачи нужного им показания. Надо также отметить, что в связи с этим делом недавно были сняты с должностей заместители прокурора республики О. Джигладзе (переведен в коллегию Верховного суда) и Бицадзе (вышел на пенсию), снят также начальник следственного изолятора г. Тбилиси И. Лежава и др. Все эти лица и их деятельность упоминаются в жалобе К. Цулая.

ПОКАЗАНИЯ КАРЛА ЦУЛАЯ

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ К. ВАЛЬДХАЙМУ

От осужденного Цулая Карло Калистратовича, отбывающего наказание в г. Рустави Грузинской ССР, в ИТУ 24, п/я 123/29

ЖАЛОБА

Арестован 30 марта 1973 года и по сфабрикованным, провокационным материалам осужден по статье 189 ч. II УК ГССР (взяточничество. — Ред.) на 10 лет лишения свободы.

Мой противозаконный арест готовился группой умело замаскированных преступников на протяжении ряда лет.

Среди лиц, непосредственно принимавших участие в преступных деяниях, направленных против меня, следует назвать бывшего председателя райисполкома Цаленджихского района В. Д. Кварацхелия, бывших секретарей районного комитета партии В. А. Кварацхелия, О. Т. Месхия и Г. Ч. Лукава, бывшего начальника райотдела милиции М. Г. Топурия, бывшего помощника прокурора района В. Мебония, неоднократно судимых в прошлом за разные преступления, рецидивистов, азартных игроков, ныне работающих ревизорами райкооператива Ш. И. Твалтвадзе и Э. Ч. Габелия.

В разное время к означенной банде присоеди-

нились и установили с ней преступные связи начальник следственного изолятора № 2 МВД ГССР в г. Кутаиси — Табатадзе, бывш. начальник следственного изолятора № 1 того же министерства И. Лежава и его заместитель Симоншвили, сотрудники оперотдела Фролов и Рхиадзе.

И если сегодня никто из означенных преступников не арестован, то лишь потому, что по сей день они пользуются покровительством преступно связанных с ними должностных лиц. Это прокурор Грузинской ССР А. Такидзе, его заместители О. Джибладзе, ранее судимый за хулиганство, и Бицадзе, ответственные сотрудники Министерства внутренних дел ГССР, ЦК КП Грузии, Совета Министров Грузинской ССР, имена которых пока не называю из опасения за собственную жизнь.

Итак, все началось с января 1970 г., когда я был избран председателем Комитета народного контроля Цаленджихского района. Сразу же после своего избрания, в течение 2-3 месяцев, я отстранил от работы до 30 человек за разные нарушения и преступления, развернул широкую кампанию по искоренению преступности в районе.

В марте месяце того же года, на заседании партактива района, на котором присутствовали представители ЦК КП Грузии и Министерства внутренних дел республики, я выступил и документально уличил ряд руководящих работников в допущении нарушений.

С этого момента мне была объявлена скрытая от глаз, тайная и беспощадная война, которая

привела меня на скамью подсудимых, а затем и в места лишения свободы.

Так, например: с 1956 по 1961 г. в селении Лиа работал председателем колхоза некто Варлам Дитоевич Кварацхелия, который всесторонне тормозил развитие колхоза и инициативу молодежи. Работая первым секретарем райкома комсомола Цаленджихского района, я решил искоренить насаждаемую председателем колхоза В. Д. Кварацхелия вредную практику. За имеющиеся нарушения в работе я неоднократно критиковал руководство колхоза на собраниях партактива района и конференции, на которой присутствовал Первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе. Все это стало основанием для провокационных выпадов против меня.

В 1961 году бандит В. Д. Кварацхелия организовал провокацию против первого секретаря райкома партии Шония и, подкупив некоторых руководящих работников ЦК КП Грузии, сумел добиться освобождения от должности кристально честного работника Шония. Развязав себе руки, с помощью солидной взятки, пробрался на должность председателя исполкома района. Этим расширил поле для своих преступных действий. Превратившись в руководителя, став членом бюро райкома партии, с помощью целой серии тайных махинаций ввел в заблуждение руководство райкома партии, и меня, во время моего отсутствия, перевели из райкома комсомола в исполком, заведующим культотделом. Всё это было проделано даже вопреки согласию первого секретаря ЦК комсомола Грузии О. Черкезия.

Более того, в конце 1963 года моя кандидатура

была выдвинута на пост председателя исполкома Цаленджихского района. Но Кварацхелия использовал всё свое влияние, не стесняясь в применяемых средствах, вновь сумел пробраться на пост председателя исполкома.

Обнаглев вконец, Кварацхелия начал своих близких и комбинаторов устраивать на несоответствующие должности. Своего брата, не имеющего даже среднего образования, Шота Дитоевича Кварацхелия, известного дельца и комбинатора, назначил директором районного комбината бытового обслуживания. Второго брата, не имеющего никакой специальности, Нико Дитоевича Кварацхелия, назначил директором одного из участков Лесхоза. Третьего брата — Валико Кварацхелия, имеющего лишь среднее образование, назначил преподавателем физкультуры в средней школе и каждый год посылал директором пионерского лагеря.

Зятя, Ширина Ивановича Твалтвадзе, ранее судимого за хищение, известного рецидивиста и убийцу, назначил ревизором-инвентаризатором райкооператива.

Каждый из них, включая самого Варлама Кварацхелия, имеет собственную автомашину, а некоторые по два комфортабельных дома. Все это добыто нечестными заработками.

В 1964 году зять Кварацхелия — Ширин Твалтвадзе и профессиональный преступник и наркоман Давид Кварацхелия напали на редактора районной газеты «Комунизмис дрошит» («Знамя коммунизма») Давида Арчиловича Абралава, изуродовали его, отрезали два пальца правой руки и отнесли домой к душевнобольному Дарис-

пану Кварацхелия. Здесь они заранее договорились с супругой Дариспана Кварацхелия, которая должна была в этом обвинить своего мужа. Когда редактора принесли в полумертвом состоянии, Дариспан Кварацхелия спал, после принятого с их же помощью изрядного количества спиртного, и бросили у его кровати. Проснувшись и увидя около себя Абралава в бесчувственном состоянии, Дариспан Кварацхелия спросил свою жену в чем дело. Она, согласно договоренности, сказала, что валяющийся перед ним человек начал ухаживать за ней и он отрезал ему пальцы. Такой ответ понравился мужу и он заявил, что сделал совершенно правильно.

Затем пострадавшего Абралава отвели в больницу. Когда к нему вернулось сознание, он заявил, что на него напал Торадзе, так как не смог произнести фамилию Твалтвадзе. В Цаленджихском районе нет никого под фамилией Торадзе.

Спустя 3-4 года, жена Дариспана Кварацхелия находилась на стационарном лечении в больнице. Здесь она обо всем поведала своей приятельнице. Об этом узнали Варлам Кварацхелия и Твалтвадзе и, боясь огласки и ответственности, отравили ее.

В 1968 году в газете «Комунисти» была опубликована статья «Пальцы», в которой в общих чертах, но убедительно, описывался факт нападения на редактора газеты «Комунизмис дрошит» Абралава.

После этого, Варлам Кварацхелия и его зять, с целью сокрытия тяжких преступлений, встали на путь прямого террора. Варлам Кварацхелия, Твалтвадзе и другие подкупили убийцу, который

по их заказу убил одного из участников преступной шайки Давида Кварацхелия, ранее судимого, отбывающего во время убийства наказание в колонии. Осужденный Зайцев, который знал причину смерти Давида Кварацхелия, вскоре сам становится жертвой убийцы в той же самой колонии в Цулукидзе.

Всеми этими делами был заинтересован бывший партийный работник, бывший редактор газеты «Комунизмис дрошит», собственный корреспондент газеты «Сахалхо ганатлеба» («Народное образование») завуч 1-ой средней школы в Цаленджихе Константин Теймуразович Маргошия. Когда он находился в больнице, «лечащие врачи» вместо лекарства принесли яд и убили Маргошия.

По заданию райкома партии (в то время я работал заведующим отделом агитации и пропаганды райкома) я, совместно со специалистами, документально проверил фактическое положение дела, касающегося смерти Маргошия.

Представив материалы проверки, в проекте постановления я требовал исключения из партии преступников и возбуждения уголовного дела.

Мой проект секретарь райкома партии Вахтанг Аквсентьевич Кварацхелия уничтожил, и по его заданию был составлен новый проект, по которому формально рассмотрели вопрос на бюро и преступники отделались лишь выговорами (см. протоколы бюро Цаленджихского районного комитета партии, ноябрь-декабрь 1969 года).

Это страшное преступление по сей день покрыто мраком, считается нераскрытым по вине заместителя прокурора республики О. Джибладзе,

который лично прекратил дело, за что он должен быть привлечен к ответу.

Кроме того, заготовитель заготконторы Цаленджихского района Кучия Дадани был послан в Россию для закупки кукурузы и фасоли. На руках у него имелась большая сумма денег.

В гостиницу к нему пришел названный выше Ширин Твалтвадзе с дружкойми. Вначале они пригласили Кучия Дадани выпить. После попойки отвели на пляж, ударом камня по голове убили его, а деньги похитили. И это преступление до сих пор числится нераскрытым. Затем, тот же Твалтвадзе, выдвинутый тестем на должность заместителя председателя рабочего кооператива, изнасиловал свою сотрудницу Сулико Гванджиевну Харчилава, которая в настоящее время, в результате перенесенного нервного потрясения, является душевнобольной. И это преступление не нашло достойной оценки в соответствующих органах.

В 1971 году в поселке Джвари Цаленджихского района убили депутата райсовета, передового чаевода Мэри Иродиовну Цулая. Убийца известен во всем районе, некто Хвичава, но административные органы его почему-то не арестовывают.

В 1970-71 гг., в период моей работы председателем районного Комитета народного контроля, по моей же инициативе, было проверено финансовое положение колхозов села Лиа им. Тбилиси и г. Цаленджиха им. Ленина. Выявлено было множество фактов хищений и других преступлений. В результате проверки исключены из партии и отданы под суд ряд руководящих работников означенных колхозов. Но они, находясь в преступ-

ной связи с Варламом Кварацхелия, руководящими работниками райкома партии и прокуратурой республики, сумели, конечно не за красивые глаза, избежать ответственности.

В 1969 г. на складе Цаленджихского райпотребсоюза выявилось крупное хищение — 70 тыс. рублей. Так как к этому хищению были причастны руководящие работники райкома партии и сам Варлам Кварацхелия, они собранным с населения лавровым листом погасили растрату, чем вывели из беды завскладом Гугулиа Пипия. Это преступление, в свою очередь, не было возбуждено в прокуратуре, и преступники до сих пор не наказаны.

О преступной связи Варлама Кварацхелия с Гугулиа Пипия свидетельствует и то, что после освобождения последнего с должности завскладом председатель исполкома Варлам Кварацхелия разрешил ему (и оформил постановлением исполкома) на участке колхоза, за свои деньги, построить ресторан «Пацха», который был снесен после постановления ЦК КП Грузии (см. материалы постановления ЦК КП Грузии от 3 ноября 1969 года).

В марте-апреле 1970 года Комитетом народного контроля была проверена финансово-хозяйственная деятельность заготовительной конторы и выявлено много нарушений. Материалы проверки мной пересланы в райисполком и райком партии. Но материалы были скрыты даже от представителя ЦК КП Грузии, приехавшего на проверку. В настоящее время эти материалы хранятся у инспектора ЦК КП Грузии Г. Чачия.

В результате сокрытия этого преступления,

через семь месяцев ревизоры Центрсоюза в той же заготконторе выявили растрату в 183 тыс. рублей.

Во всех означенных преступлениях непосредственно участвовали в разное время Варлам Квадрацхелия, ныне председатель колхоза; Орде Тарасович Месхия, Григорий Чачуевич Лукава — оба председатели колхозов; бывший начальник райотдела милиции Мириан Григорьевич Топурия — ныне являющийся начальником Зугдидской тюрьмы; зам. начальника милиции Чургулия; бывший помощник прокурора, ныне в той же должности в Чхороцкусском районе В. Мебония; зам. прокурора республики О. Джигладзе и другие руководящие работники ЦК КП Грузии и бывшие работники Совета Министров Грузии.

Со всеми этими преступлениями я боролся в качестве первого секретаря райкома комсомола, зав. отделом агитации и пропаганды райкома партии, председателя народного контроля Цаленджихского района и потому стал жертвой той же самой преступной группировки.

Нет надобности здесь разбирать приговор, который от начала до конца является актом вопиющего противозакония и провокационных выпадов.

Не имея бесспорных фактов и доказательств моей виновности, следственные органы, а затем и суд пошли по пути явных подтасовок материалов, провокаций и террористических выпадов в отношении меня.

Чтобы не быть голословным, доложу следующее:

В 1971 году были арестованы работники заготовительной конторы района. Означенные выше участники банды Кварацхелия, Месхия, Лукава, Твалтвадзе и другие забегали по семьям арестованных, чтобы у членов их семей выудить ложные показания против меня. В частности, после неоднократных посещений супруги двоюродного брата одного из арестованных Харчилава, они попытались вручить ей 10 тысяч рублей для того, чтобы она оговорила меня, будто я получил у нее деньги. Но супруга Харчилава пошла против этой провокации. Дала письменное объяснение, что все это неправда и что она даже не знает меня. В настоящее время все материалы, вещественные доказательства, свидетельствующие о провокационном характере этого эпизода хранятся в ЦК КП Грузии у Чачия и в райкоме партии Цаленджихского района. Живым свидетелем этой провокации является бывший первый секретарь Цаленджихского райкома партии, ныне ответственный работник ЦК КП Грузии Д. А. Кварацхелия.

Затем, члены означенной банды преступно связались с заместителем прокурора республики О. Джибладзе (ранее привлеченным к уголовной ответственности за хулиганство) и начальником следственного изолятора в Кутаиси Табатадзе.

Находящегося в Кутаисской тюрьме жителя Цаленджихского района В. Т. Кардава, с их помощью, довели до такого состояния садистскими методами, что вынудили дать показание, будто в разное время он мне давал займы определенные суммы денег. Весть об этом (с их же помощью) широко распространяется по всему Ца-

ленджихскому району. Одновременно от В. Кардава к моим родственникам поступают письма, в которых он требует якобы взятые мной займы деньги вернуть ему, иначе он грозитя довести дело до первого секретаря райкома партии. Когда наконец это все стало известно мне, я обратился к первому секретарю райкома Кварацхелия с просьбой лично вмешаться в дело для обуздания провокаторов. Секретарь выделил комиссию, но интересно то, что в комиссию были введены именно те, которые организовали эту провокацию: В. Д. Кварацхелия, Г. Ч. Лукава, П. Г. Курашвили. Они попытались укрепить свою провокацию, но по независящим от них причинам неожиданно столкнулись с препятствиями. Не имея на то никакого права, в Кутаисской тюрьме уже допросили находящегося под следствием В. Т. Кардава, который радикально ответил, что «всё, написанное мной, определено вашей и Твалтвадзе диктовкой, так как Цулая я никаких денег не давал, а вы губите невиновного человека».

Потерпев провал, они прибегли к страшным изуверским способам в отношении Кардава и после долгих мучений добились от него показания в духе сожаления. Текст якобы данного В. Кардава показания заранее был составлен в тюрьме, отпечатан на тюремной машинке, откуда и переписал В. Кардава «свое» показание. Машинописный текст этого «показания» в данное время находится у него, а отдельные листы посланы им на имя первого секретаря ЦК КП Грузии, председателя Верховного Совета Грузинской ССР и председателя Верховного Суда Грузии.

После того, как они заполучили такое «показание», двери Кутаисской тюрьмы были широко открыты для родственников В. Т. Кардава, которые долго ходили в тюрьму по своему желанию и встречались с подследственными заключенными. Это доказано показаниями самого Кардава на суде 15 июня 1973 года, а также жалобами и заявлениями его жены.

Как только Кардава избавился от палачей из Кутаисской тюрьмы и его перевели в Тбилисский изолятор № 1, он решил рассказать правду. Но его здесь встретил следователь Тортладзе, выпестованный заместителем прокурора республики О. Джибладзе, на протяжении ряда лет находящегося в преступной связи с означенной выше бандой. То, что Джибладзе и Тортладзе находились в преступной связи с этой бандой и по их велению старались уничтожить меня, доказываются следующими фактами:

В октябре 1972 г. Тортладзе пришел к Кардава в следственный изолятор № 1. Словесно Кардава все рассказал Тортладзе, убедил его в том, что никогда ни в какой связи он со мной не находился. После этого Тортладзе не позволил Кардава оформить свое показание письменно. Тортладзе сказал, что в аресте Цулая заинтересован сам прокурор республики (Арон Ермолаевич Такидзе. — Ред.) и он должен говорить так, как в Кутаисской тюрьме, иначе его ждет смертная казнь или 15 лет тюрьмы. Обо всем этом сказано в заявлении Кардава, и об этом он рассказал на суде.

В ноябре 1972 года, для проведения очной ставки со мной, в Тбилиси приехали по распоряже-

нию Тортладзе лица, заинтересованные в моем наказании — убийцы Твалтвадзе и Габелия, супруга Кардава и тётка, а также член банды, зам. прокурора Мебония. В гостинице «Иверия» состоялась встреча всех лиц, на которой Мебония получал в присутствии Тортладзе, как они должны были давать показания против меня. Обо всем этом говорится в жалобах жены Кардава за ноябрь-декабрь 1972 года.

26-27 декабря 1972 года Тортладзе провел очную ставку Кардава со мной, на которой у Кардава лежал текст показания и оттуда он диктовал следователю. А у Тортладзе лежал перечень данных мне взяток ежемесячно и оттуда заносил в показание Кардава.

В ноябре 1972 года Кардава нелегально отправил письмо второму секретарю Цаленджихского райкома партии. В этом письме он ясно говорит об организаторах и участниках провокации против меня (т. 4, л. д. 13-16). По имеющимся в деле материалам вполне доказано, что после этого письма Тортладзе налаживает связь с членами банды, знакомит их с этим письмом и на банкете в доме тестя члена банды Месхия, бывшего второго секретаря райкома партии, окончательно договариваются, что предпринять против этого письма.

Тортладзе в Тбилиси целых три дня содержал под арестом моего бывшего водителя Эвсея Н., чтобы он дал показания против меня. Этот водитель написал об этом ряд заявлений и дал показание на суде, но суд не обратил на это внимания. Поэтому Эвсея до сих пор безрезультатно продолжает писать свои заявления. Кроме то-

го, очной ставки у меня с Эвсея не было и суд ограничился его показанием, данным им в принудительном порядке.

Кроме того, очной ставки у меня не было с ответственными работниками райкооператива Цаленджихского района — М. Кварацхелия, В. Шелия, В. Дзадзамия, а также И. Малашихия, Асатиани, В. Кварацхелия, Г. Лукава и др., хотя по ходу следствия их показания могли внести полную ясность.

Но всего этого для банды оказалось мало. Зам. прокурора республики О. Джибладзе приходит им на помощь, и под его непосредственным руководством начали уничтожать меня физически. С этой целью меня поместили в камеру № 40 (филиала внутренней тюрьмы), где я попал в окружение агентов под руководством Ю. Цирекидзе, который ныне в тюрьме же совершил преступление, убил человека садистскими приемами.

С первого же дня Ю. Цирекидзе начал истязать меня. Избил меня до того сильно, что я на несколько часов потерял сознание и администрации пришлось прибегнуть к помощи врачей. Затем меня кололи железными прутьями, ударяли стулом по голове, на коже моих рук тушили зажженные папиросы и обещали убить меня, если я не напишу показания, обличающие меня самого. В частности, они требовали от меня, чтобы я написал, что взял у Кардава займы 800 рублей. Я отказался и меня так избили, что я потерял сознание на 2-3 часа. Вызвали врачей, которые привели меня в чувство. После этого побои продолжались. Затем Цирекидзе подсел ко мне, назвал моих ближайших родственников и дал

описания их внешности, даже номера телефонов. Назвал имена моей жены и восьмилетней дочери, которых они изнасилуют, если я не дам такого показания. Я убедился, что это они смогут сделать, и потому, наконец, согласился и готов был написать все, что они скажут. Согласен был подписать не 800, а 8 миллионов рублей.

В частности, под их диктовку я написал, что якобы от Кардава займы получил 1000 рублей. Думал, что это спасет меня, но напрасно. Меня снова начали бить и грозить изнасиловать меня самого, если я не напишу письма родственникам с требованием прислать мне деньги. Под диктовку Ю. Цирекидзе написанные письма уносил надзиратель Юза (как выяснилось следствием, Темур Чхартишвили) моей жене. Четыре раза он приносил деньги. Первый раз 200 руб., 50 руб. оставил себе, остальные взял Цирекидзе. Второй раз — 250 рублей. Снова 50 руб. взял себе, а 200 Цирекидзе. Затем 220 рублей. Юза взял 50 руб., а Цирекидзе 170. Потом заставили написать 1000 рублей. И эти деньги тоже присвоили — 800 рублей Цирекидзе, а 200 рублей — Юза, или Темур Чхартишвили.

Вместе с деньгами Ю. Цирекидзе заставлял писать, чтобы мне прислали одежду и обувь. Все это они забирали себе.

В апреле 1973 года на очную ставку ко мне привели моего зятя А. Ардия и двоюродного брата А. Чантурия. При очной ставке присутствовал работник оперативного изолятора В. Рхинадзе. Следователь вышел. Зять и двоюродный брат в это время предложили деньги. Оперработник сказал: «Передайте, если желаете, меня не стес-

няйтесь». В камере Цирекидзе это уже было известно и он до копейки все отобрал у меня.

По чьему приказу меня мучили и факт, что у меня отбирали деньги и вещи, подтверждены следствием, показаниями самого Цирекидзе.

В камере Цирекидзе и другие агенты всё время пьянствовали, и у них была целая коллекция холодного оружия.

В результате избиений, прижиганий папиросами и ударов острыми и тяжелыми предметами у меня на теле сохранились неизгладимые шрамы.

Это подтверждается протоколом допроса меня и Кардава в Цулукидзевской колонии, проведенного оперотделом колонии, и прилагаемыми справками судебно-медицинской экспертизы. Эти материалы посланы в прокуратуру республики за № 2/675 от 4 октября 1973 года.

Свидетелями моих мучений в камере № 40 следственного изолятора № 1 можно назвать Мичиташвили и Сиамашвили. И это подтверждено следствием и другими следственными материалами.

Мучая и пытая меня, Цирекидзе и шайка требовали от меня, чтобы я оговорил во взяточничестве бывшего первого секретаря Цаленджинского райкома партии, ныне сотрудника ЦК КП Грузии Д. А. Кварацхелия и некоторых других ответственных работников.

Агент Джибладзе и Тортладзе — Цирекидзе часто посылал меня к заместителю начальника следственного изолятора № 1 Симонишвили и к работникам оперчасти Фролову и Рхинадзе для дачи нужных им показаний. Взамен мне обещали до суда прекратить мое дело.

Несмотря на их категорические требования, я дал только правдивые показания.

Мои правильные показания следователь Тортладзе в кабинете Фролова рвал трижды и угрожал физически уничтожить меня. Я отказался дать нужные показания. Зная, что меня ждет в камере, отказался возвращаться туда. Тогда он позвал надзирателей и приказал им вернуть меня силой. Я сопротивлялся, но прежде чем вывести меня из кабинета, Тортладзе показал мне заявления, написанные под диктовку Цирекидзе. Тут понял я, что для достижения правды у меня перекрыты все пути. После этого под его диктовку я снова написал показание, в котором оговорил себя, будто я у Кардава получил займы 1000 рублей.

Такими изуверскими методами они состряпали дело в отношении меня.

Здесь же могу отметить, что убийца Цирекидзе на моих глазах пытал другого заключенного Мичиташвили и даже совершил с ним акт мужеложества всякими изощренными способами. Его полуживого в мае 1973 года отнесли в больницу. Мичиташвили тоже под диктовку Цирекидзе писал письма домой, и с помощью того же надзирателя Юзы ему приносили деньги, которые затем присваивали Цирекидзе и Юза.

Надо отметить и то, что подобными изуверскими методами, избиением и мучениями трижды судимый до этого рецидивист Ю. Цирекидзе, который действовал по указаниям Джигладзе и Тортладзе, Симонишвили и других работников административных органов, убил гражданина прямо в камере, отца семерых детей, азербайд-

жанца по национальности. Думаю, материалы дознания по этому поводу составят значительный интерес и для свидетелей, которые будут изучать мое дело. Сейчас названные преступники стараются выгородить своего агента Цирекидзе.

21 мая 1973 г. меня перевели в Кутаисский специзолятор, где также находился Кардава, который из комендатуры позвонил начальнику изолятора Табатадзе и попросил принять его, а затем меня. Не прошло 10 минут, Табатадзе принял меня в присутствии своего зама Пайчадзе. Они меня стали уговаривать также, как и Тортладзе и Симонишвили, на суде дать неправдивые показания и я буду освобожден. Я им ответил, что ничего подобного не имело места, эти показания я давал под давлением и угрозами, а на суде я скажу только правду. Одновременно я попросил вызвать врача и установить категорию моих ран на правой руке, однако они на мою просьбу никак не реагировали. Все это доказывает, что Кардава находился в близких отношениях с тюремной администрацией.

В июне 1973 года я был переведен в КПЗ Цаленджихского р-на, где также установили вокруг меня разные репрессии, а именно: меня чем-то отравили и ночью камеру не открыли и не помогли. Мне сказали, что ключи от комнаты находятся в кармане начальника милиции. Из камеры кричал и вызывал на помощь арестованный, некий Хвичия, но никто не отозвался, и я чудом спасся. В то время для Кардава были созданы особые условия, двери его комнаты постоянно

были открыты. Все это подтверждают Хвичия Иракли и Кардава.

6 июня 1973 г. начался судебный процесс выездной сессии Верховного Суда ГССР под председательством Герсамия и прокурора Хурцилава. До начала процесса Герсамия дал свидание Кардава с женой, тётёй и отцом, хотя Герсамия отлично знал, что эти лица являются фигуристами провокации против меня. Кардава на судебном процессе признал, что все в один голос его уверяли, что он судом будет оправдан. Для получения полного инструктажа от провокаторов Кардава попросил суд отложить на несколько дней. Судья пошел ему навстречу и на 4 дня отложил процесс. После начала процесса Кардава стал давать суду клеветнические показания, как его учили, однако, в процессе суда из МВД ГССР приехал представитель майор Схиртладзе, который предупредил Кардава давать правдивые показания и не бояться никого. После этого Кардава отказался от всех прежних показаний, стал давать правдивые показания и разоблачать всех провокаторов.

Оказалось, что представителя МВД вызвал Кардава посредством Цаленджихского райотдела ВД. В это время на суде во время процесса поднялся переполох, судья и прокурор не знали как поступить и прекратили ведение процесса, не допросили около 50 человек, важных свидетелей, допросами которых была бы судом установлена истина дела. Помимо этого, судья также не допросил около 15 человек, организаторов провокации, а именно: Кварацхелия В. Д., Месхия О. Т., Лукава Г. Ч., Курашвили П. Г., Таба-

тадзе Г., Асатиани А., Адамия, Кварацхелия Мурман, Дзадзамия В., Джолохава Т. и др., ибо при их допросе выявилась бы моя невинность и они были бы разоблачены. Следственное дело, состоящее из 8 томов, было скомкано и пропущено в течение одного часа. Герсамия на 2 дня приостановил процесс, выехал в Тбилиси, видимо, за получением инструктажа. 17 июня скончался отец Герсамия, 18 июня он начал процесс, в течение 3-х часов закончил, в течение одного часа находились на совещании, видимо, прочитал заранее подготовленный приговор, после чего быстро зачитал приговор, которым меня и Кардава приговорили к 10 годам заключения, быстро сел на самолет и вылетел в Тбилиси. До того был запутан судья Герсамия, что меня осудил на 10 лет по ст. 94 ч. III УК ГССР*. Затем во время печатания приговора исправил эту ошибку.

Необходимо отметить, что я не получил обвинительного заключения, также копии приговора. По какой причине — пусть скажет судья Герсамия и объяснит. Во время процесса судья Герсамия не поинтересовался выслушать меня и установить факт о всех пытках, которым я подвергался в изоляторе Тбилиси. Он сказал, что это никто не подтвердит. Тогда я попросил вызвать врача и установить причины и категорию от следов ожогов на моей правой руке. Эту мою просьбу судья Герсамия тоже отверг. После суда я был переведен в изолятор в г. Поти, где пяти-

* «Хищение гос. или обществен. имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением», соотв. ст. 92 УК РСФСР. — Ред.

кратно я обращался к нач-ку Кикабидзе с просьбой о вызове врача для установления категории ожогов. Однако и здесь я не добился результата. Наконец, в г. Цулукидзе я добился прихода врача-эксперта, который установил категорию ожогов. Это было в сентябре 1973 года. Был составлен акт № 93, который совместно с другими материалами был направлен из колонии № 2 в г. Цулукидзе в прокуратуру республики за № 2/675 4 октября 1973 года.

В заключение хочу сказать, что даже мой адвокат Уратадзе предложил мне признать несуществующее обвинение, говоря, что ему достоверно известно, что после этого я буду освобожден. Полагаю, что или мой адвокат Уратадзе был тоже против меня, или же его также обманули мои враги.

Я прошу вникнуть детально в мое дело, полностью установить как за, так и против все материалы. Изучить мои заявления от 15 августа 1973 г. и января-февраля месяцев 1974 г., пересланные членам бюро ЦК КП Грузии. Я не прошу никаких снисхождений или защиты, прошу только строго, но объективно подойти ко всем вопросам и, если в чем-либо выявится моя вина, судить меня по всей строгости закона.

К. К. Цу л а я

ИСПОВЕДЬ АГЕНТА ЮРИЯ ЦИРЕКИДЗЕ

С 1 по 9 апреля народный суд Кировского р-на г. Тбилиси в клубе СИЗО (следственный изолятор. — Ред.) № 1 г. Тбилиси, с участием председателя Габиташвили, прокурора Мачарадзе и адвоката Пхакадзе, рассмотрел дело Цирекидзе Юрия Григорьевича и Усупяна Валико, обвиненных по ст. 110, II ч. и 129, II ч. УК ГССР. Содержание статей: «Тяжелое телесное повреждение со смертельным исходом» и «Неоказание помощи пострадавшему лицу». Номер дела 2254, объем 5 томов.

Предварительным и судебным следствием установлено, что заключенные СИЗО № 1 г. Тбилиси Цирекидзе Ю. Г. и Усупян В. смертельно избили заключенного Исмаилова 24 октября 1973 года, вследствие чего Исмаилов скончался 17 октября. Медицинская помощь не была оказана. Допрошено 43 свидетеля, произведена экспертиза.

У МВД и КГБ Грузии за последние 3 года накопилось слишком много нераскрытых дел*, для раскрытия которых недостаточна только смекалка и опыт следователя и поэтому они решили широко применять метод пыток, используя в этом самих заключенных агентов.

* Достаточно заметить, что ныне в Грузии за последние 2 года арестовано прибл. 25.000 человек, среди них 9.500 членов партии и 7.000 комсомольцев.

Заклученные Цирекидзе и Усупян являлись агентами, которые раньше были осуждены за разные преступления и которых тюремная администрация держала при СИЗО годами, а следователи МВД, КГБ и прокуратуры использовали в своей работе. Во II корпусе СИЗО существует «специальная» камера № 40, где находились агенты-палачи и их жертвы, которых после «обработки» увозили то в больницу, то в другие камеры. Бывали случаи, когда после тяжелого избиения заключенные умирали в больницах, а больница их «списывала», т. е. составлялись фальшивые диагнозы и смерть приписывалась различным заболеваниям.

Однако з/к Исмаилова не удалось «списать», т. к. он умер в камере, и явно от избиения, поэтому решили возбудить дело против агентов, а тюремная администрация отделалась выговором и снятием с должности (снят начальник СИЗО И. Лежава, оперуполномоченный Фролов и др.). А следователи МВД, КГБ и прокуратуры остались вовсе ненаказанными. В ходе судебных заседаний выяснилось, что главные преступники именно эти последние, а агенты, подобные Цирекидзе и Усупяну лишь слепые орудия для них.

Агент Ю. Цирекидзе написал множество заявлений в различные инстанции, выдержки из которых мы приводим ниже (соблюдается стиль и орфография подлинника).

НАРОДНОМУ СУДУ Р-НА ИМ. КИРОВА Г. ТБИЛИСИ

от з/к Цирекидзе Юрия Григорьевича
(СИЗО № 1 УИТУ МВД ГССР)

Заявление-Показание «Корень — зла» (написано на русском языке)

Мое заявление к вам я называю «Корень зла» лишь потому, что началу моей детской безобидной, затем неотрадной жизни было заложено основание-фундамент зла — корень зла, что и стало причиной моей исковерканной жизни до сегодняшнего дня.

Насколько я перепуган после всех незаконных действий б ы в ш е й администрации СИЗО № 1 и остатков их шайки, которые, репрессировав меня, принуждали всякими методами дело (убийство) взять на себя и скрыть истину по делу.

Кроме того применив отдельных заинтересованных лиц, которые при непосредственной помощи прокурора, Г. Надарейшвили и других, в последствии сумели все-таки скрыть истину и свою причастность в случае смерти з/к объекта Исмайлова Н. У.

Видя и боясь, что я смогу достигнуть правды и для того, чтобы ввести вас в курс своего дела, решил: — Обратиться к вам с просьбой изучить полностью мое заявление-показание (а так же дело до мельчайшей тонкости в ходе судебного

исследования), где я вам опишу-расскажу подробно всю истину, которая наболела за многие годы моей жизни, что я и называю «коренью зла». Когда меня еще школьника со школьной скамьи сбили с верного пути работники милиции и отдельные сотрудники МВД ГССР, соблазнив обманным путем, сделав меня еще совсем ребенка-мальчишку своим агентом.

Недостойные органов власти отдельные лица, превышая свои полномочия давали мне соц. законом запрещенные задания, меня везде и всюду принужденно использовали слепым оружием против преступников и т. п., спекулируя своим служебным положением, после чего они себе завоевывали славу, должность и звезды, я наоборот наживал врагов со стороны преступников и их близких родственников на свою голову и семью.

Дело, которое лжесловно, лжесвидетелями и фальсифицированными документами так правдоподобно сфабриковано против меня, обвиняя меня в весьма тяжелом преступлении, которое я не совершал вообще, вынуждает меня (раскрыть карты), описать-рассказать все и всю истину в подробностях и выявить то основание-фундамент — основную причину «к о р н я з л а» — вследствие чего я попал на скамью подсудимых и которое сейчас в данное время является основной причиной того зла, что и привело меня опять на скамью подсудимых, безвинного, жертвой других провинившихся лиц.

Причина всему этому, которую я называю «коренью зла» следующая:

(Здесь на стр. 2-36 Цирекидзе начинает расска-

зывать автобиографию (род. в 1938 г.) в мельчайших подробностях, как он рос без отца, описывает нестерпимую бедность своей семьи, голод, трудные условия, страдания своей матери, ее рабский труд, вследствие чего она стала инвалидом, но все же дала ему среднее образование, а затем он поступил в институт физкультуры. После этого он стал чемпионом Грузии и СССР по акробатике, мастером спорта. Он рассказывает, как его завербовали в милиции р-на им. Молотова в 1954-56 гг. начальник уголовного розыска Коява и Арахамия Гриша, о чем знала его мать. Ему дали кличку «Ю. Попов», они соблазнили его, обещая сделать из него офицера. Ему давали задания входить в доверие к ворам и грабить вместе с ними, гарантируя мощь в случае ареста. Однако, когда его арестовали за грабеж 23/Х-1958 года, никто ему не помог, Арахамия и Коява встали в стороне и его посадили. Жестоко избивая при помощи агента Васо Бекурашвили, который сидел под фамилией Бегошвили Гайоз, и угрожая его опедерастить, его сделали внутритюремной «наседкой» — агентом. Министр И. И. Габибашвили, начальник угрозыска г. Тбилиси Мамулов и опер тюрьмы Кикнадзе, опер Гоголидзе, опер колонии Ксани Джибухая, Г. Норакидзе. Несмотря на то, что он был агентом, Цирекидзе судили вместе с ворами на 15 лет. (Председатель Джандиери.) Затем его неоднократно использовали в КПЗ. В 1961 году освободился, так как Москва «скинула» срок, потом опять попал в тюрьму за драку и т. п., сидел в разных тюрьмах и колониях. Неоднократно бежал. Описывает как началь-

ник милиции Мамаладзе хотел заставить его за-
вербовать свою жену Гульнару Цирекидзе аген-
том, и как он отказал, описывает как милиция не
давала ему покоя на воле, все время втягивая его
в агентурную работу.)

Ю. Цирекидзе пишет: «Я пошел по рукам, как
хорошая проститутка. Меня заставляли работать
все: начальник ОУРа г. Тбилиси С. Мамулов, его
заместители Г. Гучмазашвили, М. Пирцхелаури,
Б. Месхи и другие. С УУРа МВД СССР Х. Гагуа,
В. Талаквадзе, Калантаров и другие.

Мне приходилось разрываться на части, а что
я имел в замен? Ничего, кроме горя и упреков
на работе, после чего меня с работы уволили спе-
циально по сокращению штатов, к тому же я на-
живал себе врагов со стороны преступников и их
близких.

Честно говоря, мне надоело переносить эти ад-
ские мучения, я ночами не спал и думал уйти от
этих людей, которые способны на все и могут ме-
ня погубить. (Но это не так легко оказывается.)
Впоследствии, собравшись решил покончить со
всеми все и связь. На их вызовы я не являлся, и
когда они приезжали за мной домой я их выго-
нял, оскорбляя их, и отказывал им во всем.

И вот несчастным надо было несчастье, и оно
пришло на мою голову и мою семью.

Агента Меликова Сергея подослали к сыну
сестры моей жены, которого избивал и напугивал
убийством и огнестрельным оружием Меликов.
Грозясь, он говорил 16-летнему мальчику Маму-
лашвили Нодару, что он убьет его, как убили
его дядю Гоги Андриасова в 1963 г. Ребенок пе-
репуганный обратился ко мне за помощью, рас-

сказав все мне. (На это и рассчитывала именно милиция.) Выслушав ребенка и заинтересовавшись тем, что может Меликову Сергею известно об убийстве моей жены брата Гоги Андриасова, я совместно с Мамулашвили и с товарищами пошли разыскивать Меликова С.

Мамулашвили нашел Меликова С. в ресторане «Москва», на Московском проспекте, он же попросил Меликова выйти из ресторана к нам.

Меликов вышел и с собой захватил вилку, чем стал запугивать Мамулашвили, и даже намахнулся ударить вилкой, задев ему руку. В это время подскочил я, отнял у Меликова вилку, на что Меликов поднял крик, якобы его избивают. Тогда я его насильно посадил в машину и увез в сторону Гачиани, где стал я его спрашивать (он был выпивши), что ему известно об убийстве Андриасова, в это время я у него обнаружил вторую вилку в то время, когда он ее вытаскивал из кармана. Я его избил, но об убийстве ничего не смог установить, к тому же пригрозил ему, если он еще раз тронет Мамулашвили, то дело уже будет иметь со мной.

Избитый Меликов явился в милицию и сообщил, что его избил дядя Мамулашвили. Затем арестовали Мамулашвили, который рассказал всю правду. Но под руководством Мамулова С. дело сфабриковали ужасно, якобы после избивания Меликова, я совместно с моими товарищами отняли у него деньги 110 руб. и часы. После чего меня посадили. Во время следствия Октябрьская раймилиция перенесла дело Музашвили и Бакузова Валико. В совокупности всех дел вместе вел следствие следователь прокуратуры р-на 26 ко-

миссаров А. Нодия. Впоследствии Меликова посадили за разбой по ст. 152, ч. 2, осудили на 12 лет.

Народный суд под председательством судьи Бостоганашвили меня осудили по ст. ст. УК ГССР 112, ч. 1 (умышленное легкое телесное повреждение. — Ред.) и 116, ч. 1 (побои и истязания. — Ред.) сроком на 1 год и добавил ст. оставшего условного 1 год в совокупности присудил 2 года строгого режима.

Опять тюрьма, опять вынуждение, надоедали мне работники, ставили всякие условия и вынужденно стали меня использовать агентом.

Если им откажешь в работе, то они специально расшифровывают, и затем ты вынужден работать, иначе грозит опасность. Как в тюрьме, также и в колонии я работал и помогал им в агентурной работе.

Отбывал срок в ИТК-25, в ИТК-28 и в ИТК-4, везде я работал и помогал агентурно.

Из ИТК-4 29-30 декабря 1966 г. я был переведен во внутреннюю тюрьму КГБ под руководством шефа агентов КГБ Жорой Гегелия для использования меня в агентурной работе.

Находясь в КГБ, я сотрудничал в камерных обработках объектов, валютчиков, спекулянтов золотом, со шпионами и по делу виноделов и коньячников, с работниками КГБ Ираклием Цинцадзе, Жорой Гегелия и лично с начальником следственного управления КГБ полковником Надирадзе и другими.

Мною в КГБ были обработаны Мамедов Ибрагим и Михелашвили Миша, связанные со спекуляцией золотом; по делу коньячного комбината с его директором Н. Н. Рамишвили, по виноделам с Хусейном Джаши в г. Батуми, Даварашвили и другие, шпионаж же с татаром-турком и т. д.

Впоследствии срок я отбывал в ИТК-28 ст. Ксани. По отбытию срока я был освобожден 24 сентября 1967 года.

По освобождению я обратился в Тбилплодоовощторг принять меня на работу, но директор Сакварелидзе В. Х. мне отказал, ссылаясь на то, что я сидел, и мы поскандалили.

В конце концов он меня принял по просьбе других, и я стал работать экспедитором в районном отделении им. 26 комиссаров Грузплодоовощторга.

На свободе я жил мирно и никаких преступлений я не совершал. Меня вызвал В. Талаквадзе и Н. Перкин (отдел УУРа по убийствам). Неразрешимую задачу проблему за что вся Москва стояла на ногах и Грузия. Я ее разрешил оперативно. Доказал истину всем об убийстве целой семьи в селе Укана-Мхари Ленингорского р-на. По этому делу почти все агенты давали лживые сообщения, которые распространяли среди агентов, агент Кудусов Гурам сам же давал лживую сводку. Талаквадзе в присутствии Н. Перкина меня премировал и дал 100 рублей. От работников органов, с кем я работал, вообще деньги получал очень редко, но зато с меня брали расписки. Работая на своей работе, помимо этого я все-таки помогал всем. Начальнику ОУРа р-на 26 комиссаров, Кемоклидзе Авто, Меньшикову

Вове, Галоян Айро, Энукидзе Володе, Чантурия Отари, Чичинадзе Ушанги, Микеладзе Джими, вообще всем чем мог. Из меня работники уже сделали профессионального агента и мне во всем верили, зная, что я никогда и ни в чем не совру никому. Хочу отметить, что во многом помог я Бесо Балавадзе.

В районе массива III-го я помогал Гоги Моцерелия и Гоги Гаглоеву, так как жил там. Но как агент я числился за министерством Внутренних дел под № 912 (дело и все работы). Есть такие задания, что они вообще не пишутся и не оформляются агентурно.

В КПЗ в камерных обработках я помог во многом Мише Гомартели и другим. Вообще разрывался на части. Короче говоря, работал честно и добросовестно, выявляя преступников как ОУР-ских, также и ОБХССа.

В декабре 1969 года меня вызвал к себе в МВД начальник розыска V отдела Миша Габуня, он меня просил очень установить и помочь розыскать побегушника, бандита Чигвария Романа, он же Нугзари по кличке «Джако», который часто появлялся в районе Варанцова, а сам был жителем села Набеглави Чохатаурского р-на. М. Габуня мне показал его фото и все его приметы. Получив соответствующее задание, я принялся его выполнять от всей души.

Мне удалось установить личность Чигвария, где я с ним сблизился и заимел с ним связь-дружбу. Получив огнестрельное оружие от работников, я отправился совместно с Чигварией в его село Набеглави, где я устанавливал его тайну и тайники и т. п., после чего мы приехали раздель-

но в Тбилиси. Разработав операцию ареста Чигвария совместно с Габунией М., в чем принимали участие его заместитель Ш. Батиашвили, Л. Г. Габуния и другие.

Чигвария был арестован на Варанцове в дребезги пьяным, которого я напоил специально, вместе со мной, его обезоружили и предали следствию и суду, после чего его осудили на 15 лет особого режима.

С этого дня я стал сотрудничать с М. Габунией. Кроме указанного я установил существование бандита Тевдорашвили Г., который скрывался 17 лет, но последние годы молчал, что он жив и находится там-то. Тевдорашвили был арестован моей наводкой, когда о нем думали все, что он или мертв, или перешел границу.

Убедившись во мне все работники органа, что я умею отлично работать агентурно, и все работники были довольны и ошеломлены мною.

Примерно в марте 1970 года меня срочно неотлагательно вызывает М. Габуния (хочу отметить, что у него часто бывал дома), к себе в кабинет, где меня познакомили с неким Иракли (фамилия кончается на «швили»), он являлся работником отдела розыска и шпионажа КГБ ГССР.

Иракли поговорив со мной как с агентом, дал особо важное задание, то есть мне надо вылететь в г. Баку и там надо сблизится со шпионом-агентом американцем, который является аспирантом и ученым, который изучал восточные языки (арабист). Ему было 27 лет и он являлся педерастом (пассивным).

Получив задание, билет на Баку и 50 руб. де-

нег, Иракли сам меня проводил до аэропорта и я вылетел.

По условию в Баку на аэропорте я встретился с представителем КГБ ГССР Балашевским и представителем КГБ Аз. ССР Ибрагимом. Меня поместили в гостиницу «Южная».

Операцию стало невозможно осуществить в г. Баку, тогда решили осуществить в самолете и в Тбилиси. Американец приехал в СССР как турист, делал турне по городам и столицам СССР, где должен был он заключить договор на три года в г. Ленинграде, сотрудничал с учеными СССР. Вылетев из Баку, меня посадили к нему рядом, я разыгрывал роль спортсмена-тренера и активного мужчину, доверчивого во всем. Сблизившись с американцем, по прибытию в Тбилиси, я назначил ему встречу. Американца поместили в гостинице «Иверия», а меня в гостинице «Тбилиси», где номер заранее был подготовлен аппаратурой и т. д. Встретившись вечером у оперного театра с американцем, мы гуляли по городу. Более сблизившись с ним, войдя к нему в полное доверие, мы вместе пришли в мой номер гостиницы «Тбилиси».

Мы стали пить коньяк и всякие грузинские вина (мороженые), якобы я ему подготовил сюрприз (это было подготовлено специально сотрудниками).

Американец опьянев, вообще доверился мне, стал меня вербовать против СССР, вел антисоветскую пропаганду, хвалил Америку. Обещал перебросить меня туда и помочь во всем, в чем, конечно, я согласился (якобы). Для дальнейших связей с ним он мне дал тайные американские

адреса и номера, написанные им собственноручно. Затем он стал меня обнимать и трогать за член (половой орган) и просил, чтобы я с ним имел мужеложество, что я и осуществил (такое уже было задание). Я разоблачил американца шпиона тем, что все его действия и разговоры со мной были записаны на магнитофонную ленту (видеомагнитофон) и по телевидению*. Мне работники КГБ сказали, что по надобности мы тебя перебросим в Ленинград..., но меня арестовали и это было так. М. Габуния за то, что он поймал Чигвария, перевели замест. Нач. УУРа МВД ГССР.

Заданием я установил спекулянта золотом, армянина по имени «Мишка», который на Майдане (р-н им. Кирова) продал золото весом 450 грамм, некому еврею Мише, прожив. по ул. Дигомский переулок № 6, этот азербайджанский еврей Миша работал в магазине г. Гардабани.

Сообщив об этом М. Габунии, он лично меня повел к Ш. Багатурия, которому по делу я дал сводку (агентсообщение) указав, что в этом деле вмешаны работники милиции р-на им. Ленина г. Тбилиси, которые взяли взятку у вышеуказанных лиц и отпустили их. Впоследствии это дело почему-то замяли, о чем потом стало известно зам. министра ВД Ковальчук П. В. Габуния и Багатурия подумали, что я доложил Ковальчуку, и на меня почему-то обозлились.

* Как видно, это был обычный иностранец, которому КГБ устраивало провокации. Никакой «шпион» не доверился бы так первому встречному. А «тайные» адреса, это адреса его знакомых. — Ред.

Работая в Грузплодоовощторге, я там пользовался большим авторитетом, именем и как хорошим парнем, который никогда не выдаст ни за что. И это было так, в действительности так. «Где я живу, там я не занимаюсь гадостями».

Бывший работник нашего торгового завмага № 4 Важа Датусани, зная меня хорошо и считал доверенным парнем, как-то он мне доверился и рассказал, что он с Сакварелидзе Б. К. имел большие коммерческие связи, и что Сакварелидзе присвоил его долю денег крупную сумму около 200.000 руб. (нов. курс)!»

Цирекидзе далее рассказывает, что Датусани хотел заплатить эти 200.000 рублей тому, кто убьет Сакварелидзе. Цирекидзе сказал об этом Габуния, который дал ему задание обработать Датусани и как-нибудь взять у него 10.000 рублей, но Датусани денег заранее не давал и говорил, что заплатит после убийства. Габуния дал Цирекидзе задание пойти к Сакварелидзе и рассказать об этом ему лично, что он и сделал. Его несколько раз подсылали к Датусани, но он не клевал ни на что. Тогда Габуния и Сакварелидзе пошли на хитрость и перехитрили самого Цирекидзе, сделав его своим слепым оружием. Далее Цирекидзе пишет:

«Чтобы посадить, Сакварелидзе с Габунией совместно подучили меня сыграть инсценировку, за что Сакварелидзе обещал мне крупную сумму и хорошую работу, на что я согласился.

Специально я в кабинете Сакварелидзе поднял скандал, о чем мы были заранее договорены, и я выстрелил два раза с парабелума (оружие было их), создав шумиху и т. д.

А я, бедный дурак, не знал, почему они использовали меня. Оказывается, Сакварелидзе заранее распространил слух, что на него, честного работника, нечистые люди хотят совершить покушение на убийство (в то время Сакварелидзе дружил с Чануквадзе и Мжаванадзе*, и это известно всем).

После этого подняли целый шум, пошел слух везде, что было покушение на убийство Сакварелидзе. 2 июля 1970 г. я пришел сам к Габуния М. в кабинет (также имел неоднократную беседу с Сакварелидзе лично и по телефону).

Короче говоря эти люди опять обманули меня, они научили меня говорить ложь: что я не убивать хотел и не инсценировка это, об этом вообще молчи, а как будто Сакварелидзе якобы ругал мою мать и я выстрелил в него со злобы.

Вообщем Габуния меня завел к Начальнику, я рассказал всю ложь, как договорились. И следствию и суду я дал лживые показания, скрыв истину, что это было специально инсценировано, чем Сакварелидзе доказал, что Датусани его враг и подкупает людей, которые хотели его убить, чем он временно выкрутился коммерцией очищенных орешек (мелких). Но в конце Сакварелидзе случайно убил женщину в Оками и был предан суду как за смерть женщины, также по делу коммерций орешек и был осужден на 4 года.

Я остался обманутым, меня Сакварелидзе умолял и просил молчать, и он за все вместе запла-

* Шота Илларионович Чануквадзе, секр. ЦК КП ГССР 1962-1972. Василий Павлович Мжаванадзе, 1-й секр. ЦК КП ГССР сент. 1953 - сент. 1972.

тит за мой арест и расход на свободе, так как и он сидел в тюрьме.

Я был осужден по статье 288, ч. III (хулиганство. — Ред.) сроком на 6 лет л/с (лишения свободы. — Ред.)

После ареста 2 июля 1970 г. я был переведен в КПЗ, где дал лживое показание А. Нодия. Через сутки был переведен в СИЗО № 1. Меня в комендатуре встретил Лежава и познакомил с опером Панфиловым. Мне Лежава сказал, что ему звонил Габуня и он знает меня, как агента.

Меня поместили в специальный корпус № 2 камеру № 43.

Хочу разъяснить специальный корпус, что это значит.

Специальный корпус № 2 правого крыла, который находится в изоляции от всех корпусов тюрьмы, образовался впервые в 1966 г., был предназначен только для агентурных работ. Старый корпус переоборудовали и открыли 10 камер со всякими устройствами передач и записей. В этот корпус помещали только агентов и объектов, которых обрабатывали при помощи агентов.

Камеры были не общими, всего на 5-6-7 человек. В корпус никого не сажали других, если не было на него задания.

В корпус заходить никто не имел права, даже нач. режима и другие, в корпус имел право зайти опер-начальник и его заместитель.

Дежурили специальные под выбор преданные контролеры и корпусные. Среди контролеров были прикреплены от опер-части специальные контролеры, которые носили письма по заданию оперов домой к объектам, чем раскрывали дело.

Эти контролеры были: Гогиев Шота, Иашвили Вова, Меликян Валери, Рхинадзе Саша, Джангиани Юза, Годердзишвили Годердзи. Вот через них опер-часть поддерживала связь с родственниками объектов.

Увидев в корпусе, что меня обрабатывают скрыть истину, зная что я жертва Габуния и Сакварелидзе, 21 июля 1970 г. я сжег свои собственные вещи и хотел сгореть, но меня спасли и голого вывезли с дыма и огня. Затем одели чужую одежду (расстрелянного), и так как я заявил, что виновники Сакварелидзе и Габуния, в этот же день перевели меня во внутреннюю тюрьму (чтобы я не болтал лишнего).

По прибытии в тюрьму меня встретил Одишвили, поговорил со мной, пообещал помощь и к тому же сам Сакварелидзе поможет и соблазнив, посадил меня с объектом Киртадзе Отари в камеру № 4.

Обработав Киртадзе, я его пустил на признание, открыв дело на работников ОБХСС МВД ГССР, которые путем вымогательства ограбили и взяли деньги в сумме 45.000 рублей у одной еврейки. Обработал невинного подозреваемого в убийстве Омарова, так же Абели и по делу братьев Хурцилава Уратадзе Жору и Володю.

Работал до 8 октября, после чего меня перевели в СИЗО КГБ г. Батуми, там находился до 19-20 октября 1970 г. В камере № 2 сидели я, Цинцадзе, Джанелидзе и Вахания Витали. По просьбе Гарибова (батумский сотрудник) я обработал Цинцадзе и Джанелидзе. Вахания был это особый объект, из-за кого и перевезли меня. Вахания пустил на признание, он рассказал, что

похитил два автомата, карабин с оптической наводкой, патроны и рожки для автомата, трассирующие пули, взрывчатые вещества совместно с Джалаганией, когда они служили в пехотно-танковой части в армии, которые передали Дуру Хурцилава, после чего Дуру совершил убийство.

Вернувшись в КГБ г. Тбилиси, я обрабатывал по делу Лазишвили, Мацаберидзе, Цкитишвили, Купарадзе и многих других объектов до 31 декабря.

С КГБ в СИЗО № 1 перевели в больницу по причине, что я имел приступ почки (прохождение камня).

Находясь в больнице, я сотрудничал с опером Джони Хачатуровым и Лежавой, затем в камере № 37, затем в малолетнем корпусе с малолетками, где и был расшифрован Коридзе, где я выбил дверь и ушел оттуда, обозлившись.

Меня опять поместили во II-й корпус, камеру № 43. Меня все просили помогать, но я отказывался и не хотел, был злой. От Каранадзе я узнал, что пока воздерживаются перевезти в КГБ, и я не имел желания работать. Панфилов и Свимишвили всячески принуждали работать, но я настырно отказывался. Мне устраивали авантюры и сажали в карцер специально сломить меня, к тому же я мешал им в работе. В камере № 39 по заданию Панфилова агент Агдгомелашвили Алекси избил до крови объекта Искандерашвили и второго русского в присутствии агента Саркисова Сергея в... (пропуск одного слова. — Ред.) 1971 г.

В камере № 45 Агдгомелашвили избил Михелашвили (еврея) по заданию Панфилова, в каме-

ре № 44 агенты Курдиани и Циклаури избили и порезали бритвой объекта Датусани, в камере № 37 агент Усупян избил по заданию Панфилова и Свимонишвили объекта Кухианидзе Валери, которому отбил все внутренности и тот рвал кровью, после чего умер в расбольнице (республиканской больнице. — Ред.) и его списали.

Агенты Гогуа Гурами и Долидзе Тедо избивали объектов в камере 38, в том числе и Кобахидзе, которого вверх ногами повесили и вымогали признание.

Вообщем, корпус был специальным и превращен в систему обработок объектов любым путем, на что давали задания Панфилов, Свимонишвили, Бурдули и другие.

Видя такой бардак в корпусе и что эти люди используют агентов, затем расшифровывают и лгут во всем, я потому и не соглашался, но когда меня неоднократно сажали в карцер, я сломился и вынужден был сотрудничать с ними, тем более эти люди давали полные гарантии на всё. Далакян Гарик агент убил одного объекта во время обработки, и ему добавили 1 год, скрыв всё.

Я согласился с ними работать, где обрабатывал объектов Гогава, Турцева, Харезова, Бурджанадзе и Тезико Лазишвили до штанов и многих других. Но корпусным Кебадзе Шалико был расшифрован, и меня перевели в ИТК 31 октября 1971 г.

Из колонии 1 ноября меня перевели в СИЗО КГБ г. Тбилиси, там я работал до 1 марта, обработав объектов Семенова, Сулава, Кварацхелия, Тодрия, Барбакадзе, Яковлева, Гулия и т. д.

1 марта я был переведен в СИЗО № 1 в боль-

ницу, где обрабатывал объекта, не помню фамилии, по заданию Ковальчука. В палату № 127 вдруг вечером был впущен контролером Раевской Зиной Дуру Хурцилава, который грозился с ножом меня убить. Я его уговорил и солгал ему кое о чем по его делу, пообещав помощь. Меня расшифровала Мекокишвили Маро, имея на меня зло.

3 марта я был переведен в КПЗ, где обработал объекта Гиоргобиани по делу Гороформления, выявив всех.

10 марта я снова был переведен в СИЗО КГБ г. Тбилиси. Меня там расшифровал контролер Андро Бадалов специально.

По заданию я избил объекта Яковлева, 14 марта меня перебросили в г. Кутаиси (хочу отметить, что были случаи, что объекты лезли в драку и били нас, как, например, Семенов разбил мне нос, но я его не трогал, потому что не было задания).

В Кутаиси ко мне посадили объекта Игоря Гагуа. По заданию я перерезал вены, чем я внушил доверие ему, так как он пасировался, и этим способом он вошел в доверие ко мне и я открыл дело совсем неожиданное, убийство шофера такси Эбануидзе, где установил соучастника Гагуа, Адеишвили Муртаз. (Ныне Гагуа расстрелян.) Помимо этого убийства я открыл уйму дел, совершенных Гагуа, грабежи и разбой, достал огнестрельное оружие — факт.

Также обрабатывал объекта Харшилава, на что получил задание от Шавишвили и Эсакия опедерастить его, потому что он будущий вор в законе и надо было его испортить (опедерастить

можно любым способом, не обязательно сожительство). Обработывал многих. По заданию Габуния меня перебросили в СИЗО КГБ г. Батуми, для обработки объекта Мурада Эбралидзе (без двух ног). Совместно с Мурадом Эбралидзе я обрабатывал по просьбе шефа Бешанидзе объекта Майсуралишвили, установив его соподельников Кукуладзе, Цинцадзе и других, которые в г. Батуми занимались кражами и грабежами, достал вещественное доказательство бриллиантовое кольцо, стоимостью на сумму 15.000 рублей. Майсурашвили я пустил на признание. Хочу отметить, в моем почерке работы есть одна черта, я большей частью агентов пускаю на самопризнание.

Эбралидзе же обработал по делу убийства в Ланчхути некоего Гвардзеладзе, которого после убийства положили под поезд. В камере № 6 я с ним сидел под фамилией Маркозашвили.

Агентам часто приходится менять фамилии, например, я сидел под многими фамилиями, это делается потому, чтобы впоследствии не расшифроваться или та фамилия расшифрована и надо другую новую фамилию по следующим объектам.

В начале мая 1972 г. я вновь был перебросен в г. Кутаиси. Там работал с объектами Гелишвили, Ломидзе, Слоридзе, Двалишвили («шеша») и Челидзе, которые были участниками убийства 18-летнего мальчика. Вообще работал отлично.

Так как моя жена пережила инфаркт, и я хотел созвониться с Тбилиси, что случалось часто. Я очень нервничал и Эсакия каждый раз обманывал.

К тому же, по заданию, меня заставили опередрастить и Челидзе.

При помощи работников я имел интимные связи с Шатровой Алой неоднократно, но впоследствии узнав, что она болела сифилисом, я перепугался и просил помощи у Шавишвили, но он меня перебросил в тюрьму, где я тоже помогал. Из кутаисской тюрьмы меня перебросили опять в Батуми.

Шавишвили мне поручил, если ты заболеешь, скажешь, что заразился в г. Батуми, но к счастью все обошлось хорошо. В Батуми я работал с Карло Гагуа на Тельмана (очевидно, имеется в виду КПЗ на ул. Тельмана. — Ред.), затем для санкции был переведен в СИЗО № 8 Батуми.

Там меня приняли на общем основании со всеми з/к вместе посадили в к. 12 без предупреждения с Эбралидзе уже под фамилией Царекидзе, а он знал меня как Маркозашвили. К тому же корпусной Чиковани расшифровал меня. Вообще администрация СИЗО подумала, что я приехал обрабатывать их СИЗО по заданию Ковальчука П. В. Я стучал в двери, т. к. был расшифрован, но меня не слушали, не выпускали, я был вынужден разбить форточку, и по этой причине, чтобы меня изжить оттуда как якобы нарушителя, хорошо избили, 10 часов держали в мокрой камере бокс, надев на руки и ноги наручники, где смеялись над мной, сотрудники кричали: «Тбилисело бозо (тбилисская сука. — Ред.), твой номер не пройдет». Затем посадили в карцер на 10 суток без оформления и без постановления и потом этапировали в Тбилиси, уговорив, чтобы я не жаловался.

По прибытию в Тбилиси я написал обо всем Ковальчуку, и те были наказаны все.

Обозлившись на всех и окончательно бросив агентурную работу, я перешел в ИТК и 7 июня, где и остался до 28 августа 1972 г.

В колонии меня принудили работать, начальник Мамаладзе, Эркемлидзе и опер Шаламберидзе, что мне оставалось делать, я и там помогал. Вообще как хорошая проститутка не может уйти от мужчины, так и я не мог уйти от них, никуда не денешься.

28 августа меня перевели в СИЗО № 1 по санкции Ило Даварашвили по делу Манукова Георгия (взятка).

По прибытию в СИЗО № 1 г. Тбилиси меня принял Свимонишвили и просил ему оказать помощь в агентурной работе, за что обещал свободу. Я ему отказал, но он велел подумать и в тот же день поместил в камеру № 40.

На второй или третий день меня опять вызвал Свимонишвили и в присутствии Марго Акоповой и моей жены Свимонишвили мне сказал следующее:

«Если ты будешь со мной сотрудничать, то я ровно через год освобожу тебя». Я все же отказывался, но он мне говорил, что мне все врут и не освободят, а он не врет. Вообще внушил мне, и я поверил ему и дал согласие работать с ним в камере, и так началось это.

А за время нахождения в камере 40 до октября 1973 г. обработал объектом: (которых запомнил) Божадзе, Долоян, Абенадзе, Григорян, Энукидзе, Митичашвили, Долуа, Медзвришвили, Отарашвили, Придонишвили, Сиамишвили, Цу-

лая, Барбакадзе, Поладова, Шенгелия, Торадзе, Гагунава, Федотова, Талаквадзе, Раджабова, Мамедова, Голояна, Кардава, Мамулян, Анучина, Чумаченко и многих других, которых уже не помню (Ахмедов).

За весь период моей работы с 1970 г. до 1973 г. непосредственно при моей помощи были открыты как по заданию, так же нераскрытые дела (неизвестные никому) своей инициативой свыше двести преступлений, среди них особо-опасные и государственные.

Хочу описать положение в корпусе о системе и какие задания давались всем агентам без исключения.

II-ой корпус, как я уже писал, был специальным, в каждой камере сидели агенты и работали с объектами, получая соответствующие задания, за что им давали наркотические средства, алкоголь, свидания и передачи нелегально в специальных комнатах и кабинетах как с родственниками, а также с проститутками, обещали свободу и т. п.

Часто давались задания избивать объектов как по делу вымогая у них показания, а также по личному интересу работников администрации: лично задания давали Лежава, Свимонишвили, Панфилов, Коридзе и Фролов, который даже превышая сверх заданий и сам же избивал объектов в камере. Описываю почти в подробностях.

В камере № 40, были избиты по заданию Ахмедов, Цулая, Митичашвили, Придонишвили, Табидзе, Амазарян, Гумаченко, Гопоян, Поладов и многие другие.

Хочу подчеркнуть, что агенты задания выполняли и в других камерах, которые переходили со своей камеры в другую, где и осуществляли это задание и возвращались обратно в свою камеру в ту же минуту. Они сидели под чужими именами и фамилиями. Корпусом лично руководил старший инспектор опер-части лейтенант Л. А. Фролов, от которого непосредственно агенты получали, как словестно, а также и письменные задания от имени руководства.

В камере № 39 агенты Татевосян Ал., Григорян М. К. и Элоян в сентябре 1972 г. получили задания от Фролова и Свимонишвили избить подозреваемого Барбакадзе Б. в убийстве шофера такси Джадулишвили, жителя села Бакурцихе, который был убит в селе Чалаубани; Барбакадзе Бориса избили крепко, который орал на весь корпус, и который затем укусил в спину агента Григоряна. Фролова и Свимонишвили просили это задание осуществить Тариел Таварткиладзе, начальник 1-го отдела убийств (по убийствам. — Ред.) УУРа МВД ГССР.

В этой же камере агенты Элоян и Саакян Альберт избили по заданию Фролова Бабичева Сашу, в то время когда били его Фролов смотрел в волчок и любовался.

В указанной камере агенты Саакян А., Чумаченко и Усубян избили объекта Забелян, которого в кабинете добил сам Фролов. Агент Степанян избил объекта Квирквелия и агента Саакян.

Агент Элоян Юра — он же Арчвадзе Тенгиз избивал объектов по заданию систематически, как например, объектов Амазарян, Мамулян, Кардава, Атабекян и т. д.

Мамуляна избивал Элоян, получив задание от Фролова и лично был запущен в камеру 39 из камеры № 40.

В этой же камере избили объекта Анджи Анучина при моем участии агенты Зеракидзе и Акопян, так же был избит агент Акопян по заданию Фролова, так как он болтал на Фролова, что он ему дает взятку по 30 рублей, за то что тайно дает встречу с замужней женщиной в кабинете и он сожительствует с ней.

В камере 38 агенты Гочуа и Долидзе избивали многих, например, объекта Натрошвили, агент Кикнадзе избил Квирквелия, агенты Зеракидзе и Майсурадзе избили объекта Эфендиева и т. д.

Разве можно вспомнить и перечислить всё!

В камере 37 агенты Чумаченко и Элоян избивали Поладова, Давиташвили, агенты Акопян и Камкамидзе избили Шарашидзе, повторно агент Усубян бил почти всех.

В камере 36 агент Акопян избил объекта Угулава, агенты Паписов-Сардитвили и Бокучава, агент Кикнадзе тоже били Угулава и многих других.

В камере № 44 Зибзибадзе и Усубян били Шарапян, Гвенцадзе, Келбакиани и многих других. Короче говоря, во всех камерах избивали, и стоял в корпусе стон и вой объектов.

После случая смерти Исмаилова, Фролов вновь давал избивать объектов по своему указанию агентам, как например, в ноябре агент Кикнадзе Джемал — он же Хачидзе — избил объекта Аласкерова Абрешума и других в к. 39, в к. 42 избили и изнасиловали объекта Бабаева, Кикнадзе, Степаниа и других по заданию. Избивали объектов в камере 45, избили объекта

Аласкерова Аласкера, в камере № 38 объекта Сакварелидзе и агенты Окрошиашвили и Зибзибадзе в этой же камере избили 11-го января Валиева, которому отбили всё и был доставлен в больницу. Избили старика Саидакара и других. Заходили и выходили в чужие камеры и избивали объектов по заданию.

Зибзибадзе и Окрошиашвили перешли с кам. 38 в кам. 40 и там избили объекта Аласкерова и Яшара Макарамова. В кам. 38 избил Зибзибадзе и один мегрел объекта еврея Пичхадзе и тоже многих. Вообщем была бойня.

Узнав об этом, новый начальник СИЗО Габуния ликвидировал все дикие задания, и впоследствии Фролов был уволен с работы окончательно, когда доказали всё ему на коллегии в МВД. А именно Фролов сам приносил водки в корпус и выпивал совместно с агентами как в камерах, а также в рабочей комнате, где устраивал кутежи. Сам же пьяный врывался в камеру и избивал з/к объектов, как например, избил Гарибашвили, Бабичева, агентов Чумаченко, Акопян, Усубян и многих других.

В своем кабинете устраивал нелегальные встречи между з/к и с родственниками объектов, приводил женщин. Устраивал кутежи, собирая 4-5 агентов вместе, и выпивал под аккомпонимент моей гитары.

Короче говоря, своей нечестной работой расшифровал агентов и занимался вымогательством. Часто являлся в корпус пьяным и давал возможность разгуливать агентам, как хотят. Давал им транзисторы. Вообще, ради того, чтобы открыть дела, Фролов со своим руководством

шел на всё и все уступки, давая законом запрещенные задания.

Ради своей корысти Фролов продавал агентурные сообщения родственникам, близким и даже соучастникам-преступникам, за что вымогал у них деньги.

В почерке нашей агентурной работы было и то, что по заданию руководства через оперативных работников мы объектов связывали со свободой, для того чтобы выявить соучастников, или же доказать преступность, к тому же достать вещественное доказательство. В письмах объекты писали иногда свои тайны, о деньгах, золоте, драгоценностях, где они хранят, и просили своих близких перепрятать или переместить в другие места.

Кроме этого объекты писали и называли в письмах соучастников, просили у них помощи, или вымогали деньги, если они этого не сделают, то их проведет обрабатывающий объект по делу. Этим путем мы агенты обрабатывали объектов, выявляя их тайны и соучастников, а также доказывали их преступность. Выявляли местонахождения и богатства, приобретенные путем преступления, что впоследствии сдавались государству в бюджет.

Попав в такую лавушку, объект был вынужден дать полное признание во всем и назвать соучастников.

Все их письма заранее фотографировались и проходили через опер-часть и связного. Кроме указанного объектов мы связывали и в тюрьме со своими соучастниками, которые находились в разных номерах, и постоянно держали связь с ними, и в переписке выявлялась их преступность.

Все деловые и нужные письма сохранялись как агентами, также в опер-части. Агенты письма передают шефу, а тот их пересылает органам, которые ведут следствие.

Бывало, что следователей вызывали на место и отдавали им письма, агентурные сведения читали сами же, также следователи получали в беседе с агентами точный путь в следствии и они реагировали, как им везти следствие.

Некоторые нужные письма применялись и подшивались в следственном деле объекта, как вещественное доказательство, чем подтверждался факт преступления.

В почерке агентурной работы были и такие частые факты.

Во время работы агенты получали такие задания. Однако их, агентов впускали в другую камеру, со своей, под чужим именем и фамилией. Тот агент там избивал объекта и возвращался в свою камеру. И если объект жаловался, то на него не обращали внимания. А если суд выносил частное определение или кто-нибудь интересовался этим, то администрация официально письменно отвечала, что факта не было и не подтверждается, к тому же названный объектом, который избил его, вообще в корпусе № 2 никогда не находился даже в тюрьме.

Факт совершался, а его никакими путями никто не мог доказать: поэтому и запускали агентов из других камер избивать объектов, а тот агент, который сидел с объектом постоянно, якобы его защищал, внушал доверие и обещал, что его не будут избивать больше (агенты), именующие себя за воров, воры и этим внушаем ему доверие и открываем дело. Те агенты, которые от-

казывались выполнять грязные задания, их отправляли в Россию, а те, которые соглашались, им делали всё и снимали даже сроки. Сами они говорили, что в методе агентурных обработок дозволено руководством любыми путями заставить объекта признаться в преступлениях, применив против него любой способ и всякие ухитренные оперативные ловушки. К тому же впоследствии, если надо, для дела, завербовать его самого агентом, чтобы тот в дальнейшем молчал, боясь за себя и свои грехи.

Агент ведь з/к и ради свободы он шел на всё, слушался своих шефов и исполнял все их желания, рискуя собой.

Даже агенты совместно с объектами выходили в чистую голодовку, где внушали доверие и там их обрабатывали ради свободы, не щадя свое здоровье, оставаясь голодным несколько суток, а может и месяц.

Как я выше писал, мне приходилось пройти эти школы на своей шкуре, для внушения доверия я по заданию резал себе вены, оставался голодным, сидел без постели совместно с объектом в холоде, в сырости, чтобы тот не подумал, что я нахожусь в привилегии. Устраивали всякие инсценировки против меня, якобы меня репрессировали, отнимают всё, чем объекта сбивали с толку и тот входил в доверие ко мне. Если описать все методы агентурных обработок, то у меня не хватит и бумаги на это, но кое о чем напишу вам частично, как мной были обработаны объекты.

Контролеры-связные, которые носили письма по заданию опер-части на дом или родственникам объектов, им за это платили деньги, они при-

сваивали себе, и об этом знала опер-часть. Большую сумму же опер-часть забирала себе, ссылаясь на то, что это нужно для дела, чем выявляется объект. За время моей работы, от 3 августа 1972 г. по июль 1973 г., обработал очень много объектов, их перечислить даже трудно, всех я не помню, но опишу некоторых из них, которых мне довелось запомнить.

В сентябре 1972 г. ко мне в камеру № 40 водворили объекта Долоян Гришу (курд) для его обработки агентурно.

Долоян подозревался в присвоении суммы денег 137.000 руб. с обувной фабрики «Исани». Долоян являлся бригадиром грузчиков, и он методом приписки при увеличении работы и зарплаты присвоил сумму, но не один, а метод не был установлен. Долоян со своей бригадой относился к конторе Грузпогруз.

Долояна агентурно обрабатывал я, и его вовлекли в связь-переписку с женой. Письма носил связной Валери Меликян. Попав в ловушку, Долоян дал полное признание, на что я его натолкнул, что помимо этого Долоян открыл и другие дела, купля-продажа автомашины, взяточничество и купля-продажа золота.

Нужные письма Долоян сдали следователю Элгудже Чхартишвили. Таким путем была разоблачена шайка Долоян.

Убийцу Поладова же мы связали с его подельником здесь же в тюрьме, и он дал признание, после чего вещественное доказательство — оружие было найдено. Из корпуса в корпус связным был рабочий корпуса Вова Константинов.

Также ко мне был водворен взяточник с Харагоули, некий Ботадзе, которого я пустил на при-

знание, связав его с поддельником Гогава. Они оба вымогали взятку у пенсионера.

Прокурором Лежава и его братом И. Лежава (нач. СИЗО № 1 МВД. — Ред.) ко мне был посажен, как они мне говорили по заданию Шеварднадзе Э., объект Энукидзе Роман, который являлся в группе (координационной группе) выделения земельных участков для садоводства в селе Цхваричама. Лежава, Свимонишвили и другие мне обещали, что если с этим делом я справлюсь, то они освободят, так как сам Шеварднадзе дал слово.

Я объект Энукидзе обрабатывал, вложил все силы, он был заранее под наблюдением. Связав его с домом и убедив его во всем, я его пустил на признание, как и Долоян и Ботадзе, к министру ВД ГССР (Константин Еремеевич Кетиладзе. — Ред.).

Энукидзе министру дал полное признание и указал всех подряд, кому он выделил землю, указывая на руководство района и ЦК КП Грузии, вмешивая вплоть до Чануквадзе и Мжаванадзе всех.

По заданию Свимонишвили я перед Энукидзе расшифровался и его сделали агентом, после чего он нам оказывал помощь. Энукидзе сделали агентом специально, чтобы он в дальнейшем боялся за себя и свои грехи и не пересказал в дальнейшем свое показание.

По просьбе зам. министра МВД ГССР П. В. Ковальчук я обработал объект Торадзе, который дал взятку в сумме 1.000 руб. помощнику министра Чхиквишвили (г. Чохатаури), Торадзе я пустил на признание и Чхиквишвили был посажен, следствие вел след. Цакгадзе.

Связного Меликяна уволили и дали нового связного Ю. Джангиани. Юза Джангиани носил письма, но по особо важному делу и вопросу в районы носил письма Лхинадзе Е., работник опер-части, который был в доме у Митичашвили Карло в Велисцихе.

Свимонишвили и Лежава ко мне подсадили объекта Митичашвили Карло прямо с больницы в пижаме и почти голого зимой (специально). Хочу отметить, что объектов я кроме того, что пускал на признание к Министру, довольно часто я пускал многих с признанием к Лежава и Свимонишвили.

На Митичашвили* я получил такое задание: бьюбыми способами и любым путем надо его обязательно пустить с признанием к Министру.

Целых три месяца я мучился с Митичашвили и, в конце концов добившись его признания**, я его четыре раза пустил на признание к Свимонишвили и Лежава, но он все же пасировался. Переписку с женой и сыном имел Митичашвили через спецсвязного Джангиани. Убедив Митичашвили во всем, что ему очень помогут за его раскаяние и сына не выгонят с мединститута, а его впоследствии толкнул на признание, что он и сделал, рассказав Министру обо всем. Это дело пошло кольцом и добрались до Джавахидзе. Я так же получил задание обработать Митичашвили, который в действительности давал взятки

* Митичашвили, как опасного свидетеля злодеяний МВД, переслали в Ростовскую тюрьму и там убили в «случайной» драке в 1974 году.

** Цирекидзе совершал акты мужеложества с Митичашвили, избивал до потери сознания и пр. (см. жалобу з/к Цулая К.).

Гелбахиани (ректор Тбилисского гос. мединститута. — Ред.) через Саларидзе, устраивая в институт своих кахетинцев из Чумлаки, из Велисцихе, из Гурджаани и т. д. за 50.000 рублей. Митичашвили своих троих детей устроил в Мединститут на лечебном факультете.

Потом я получил на него очередное задание любыми путями заставить Митичашвили сдать государству 50.000 руб. Это надо было для вещественного доказательства. И вот тут началась нервотрепка, вообще я с ума сходил, нервничал и очень переживал.

Митичашвили писал письма домой, просил по 5.000 руб., то по 10.000, но не писал 50.000 руб.

Вообщем, дали задание его избивать и таким путем добиться. Его били Элоян, Саакян и я в рабочей комнате в присутствии рабочего Константинова вымогал у него признание и письмо.

В конце концов Митичашвили в присутствии нас написал письмо опять на 5.000 руб. своему брату. Все письма я сдавал Фролову и Свимоншвили.

В камере Митичашвили написал письмо жене, где он просил: около своего бассейна зарыто 60.000 руб. в целофане, затем через неделю написал заявление Министру, указав место нахождения денег, которые он приобрел путем преступлений. Этим я закончил работу с Митичашвили, его обрабатывали в больнице и в камере № 41 агенты Петросян и Инаури.

Затем после осуждения Митичашвили обрабатывали по делу Гелбахиани (см. выше. — Ред.) в камере № 44 агенты Рехвиашвили и Ростов, затем в камере № 43 Костава и Камкамидзе, за-

тем в пути следования в поезде, агентов не знаю.

Работая с Митичашвили, помимо его дела я открыл и другие дела около 8-10 и больше, как ограбление кассы, убийство учителя, взятка и др.

В то время когда я обрабатывал Митичашвили, с нами был и Цулая Карло. Обработав Цулая, который дал признание во всем, и впоследствии его мы тоже сделали агентом, который помимо своего дела дал около 20 дел лично Свимонишвили, в том числе также дело на Абрамява, Цулая получал и от меня задание на Митичашвили уговорить, чтобы тот внес деньги государству в сумме 50.000 руб. Цулая его уговаривал.

Цулая во время обработок вошел в доверие к связному Джангиани, и через него он имел связь с близкими и женой.

Цулая мы также связали в переписку с Кардавой при тюрьме, где они друг другу писали уйма писем, и эти письма были переданы Фролову и Тортладзе Олегу (следователь прокуратуры ГССР. — Ред.).

Цулая писал Кардава, что он отдаст 10.000 рублей лишь бы он отказался, что Кардава давал ему взятку.

Цулая написал письмо своей жене, где просил передать деньги в сумме 10.000 руб. жене Кардага, это письмо взял Тортладзе и вместе с ним другие. Во время передачи денег они были пойманы с поличным.

Сейчас Цулая пишет великую ложь и гадость, чем хочет выкрутиться.

Цулая агентам дарил свои вещи и другие, просил всех помочь ему и если спросят, чтобы все

подтвердили, что якобы его избивали и насильно заставили признаться*.

Цулая имеет больших людей в ЦК и т. д. и надеется на них, что они его спасут, пишет анонимные письма, клеветает всякими гадостями. Цулая истинный взяточник и вымогатель. Вот как раз и Надарейшвили (следователь по делу Цирекидзе. — Ред.) очень старается ему помочь, поэтому обвинил меня, надеясь я сам помогу Цулая. Он за это дело имел хороший куш от Цулая и др. (честный). По заданию Элоян и Саакян сделали Кардава тоже агентом, но он потом сбежал из камеры, расшифровав всех и всю агентурную работу.

Когда я помог установить истину, Кардава, узнав об этом, сказал мне, что подарит 10.000 руб. Но я отказался от денег вообще».

Потом Цирекидзе рассказывает, как начальник тюрьмы Лежава приказал ему избить торговца анашой Гопояна, у которого обнаружили 200 руб. На него натравили «объекта» Табидзе Олега, «технически», как говорит Цирекидзе. Потом он пишет:

«Мы по заданию иногда устраивали между объектами ссору, после чего они дрались и этим путем мы их сбивали с толку, отбивали желание знать который из з/к агент и разговор об агентах. Агенты всегда играли роль воров, чем внушали свое доверие объектам во всем. Объект Табидзе ко мне был подсажен специально, с аген-

* На своем суде 4 апреля 1975 года Цирекидзе заявил, что он вынудил Цулая признаться в вине, и что его много раз избивали.

тами вместе, агенты были Элоян-Арчвадзе*, Чубабрия-Бибилейшвили, я и Перадзе Важа. По заданию Фролова Элоян должен был опедерастить Табидзе, если он не признается в убийстве бабушки и внучки Чечелашвили в г. Тбилиси по ул. Питашвили 21, совершенное 15 сентября 1972 г. Элоян приступил к заданию, Чубабрия стал бить его от имени воров, говорил, что Табидзе должен признаться, т. к. из-за него таскают воров и воры написали письмо им, если Табидзе не признается, опедерастить его.

Табидзе плакал и умолял меня помочь ему, я его пожалел и не дал его опедерастить. За это на меня Фролов обиделся и даже упрекнул меня, сказав, что Табидзе надо было опедерастить и он забоялся, что распространят по всей тюрьме, что он педераст, дал бы признание и взамен мы его тайну, что он уже педераст, сохранили бы.

Мне лично Коридзе Гиви дал задание в присутствии Лхинадзе избить крепко Табидзе Олега, так как он ограбил квартиру его родственника Джеджелава, но его задание я не выполнил. Он и другие давали задание избивать объектов по личному интересу.

За хорошую агентурную работу и доказав свое полное исправление, администрация СИЗО № 1 лично Свимонишвили и Лежава написали на меня ходатайство в Президиум Верховного Совета ГССР за подписью Министра ВД К. Кетиладзе от 7 мая 1973 г. за № 1/0076, где они просили моего освобождения, т. е. оставшиеся три года помиловать Цирекидзе Ю. Г.

* Агенты-армяне всегда носили грузинские фамилии, чтобы обмануть «объектов».

Так как я устал и не мог больше работать, к тому же нервно заболел, просил уйти с корпуса неоднократно. Но меня не отпускали и держались за меня. Я был вынужден выйти с вещами и уйти с корпуса в больницу в июле 1973 г. Я находился в 127 палате. Вдруг меня вызывают Панфилов и Фролов и дают такое задание: по просьбе Лежава, он сам же мне говорил потом».

Здесь Цирекидзе рассказывает, как он обезвредил в камере разъяренного хулигана О. Шешаберидзе, у которого был нож, он резал себя и других, на него надели наручники и избили.

«В больнице находились в голодовке и их никто не мог кормить. Меня просили, умоляли все врачи РБСИ, вообще вся администрация, и я кормил голодовщиков через зонд, насильно.

Потом в спецкорпусе был шумок, кричали з/к и их никто не мог уговорить, это было вечером поздно. Ко мне пришли в больницу и попросили уговорить з/к. Вообще меня использовали везде и всюду. В больнице был бардак, з/к сожительствовали с медсестрами и с з/к женщинами.

Меня внезапно перевели в СИЗО КГБ, где я работал с объектом Сохадзе Алеша по делу «ЖЕКА» строительства кооперативных домов в Варзисхеви.

Сохадзе был бывшим секретарем Орджоникидзевского райкома партии (дело Каличава). Вернувшись с КГБ обратно в больницу, я просился в колонию, куда был направлен дважды, но меня не принимали и говорили, что Цирекидзе расшифрованный агент и его смогут убить».

Цирекидзе здесь перечисляет своих объектов: Хурцилава Энвери, Имерлишвили, Вахания и т. д.

«19 сентября 1973 г., узнав о том, что мне сняли два года, а не освободили, я разозлился и уехал с КПЗ в тюрьму. Поставил вопрос, что мне положено Джандари и пусть отправят, о чем обещал Свимонишвили лично.

Вдруг меня в кабинете Бежанишвили вызвал мой шеф Тариел Таварткиладзе и попросил обработать двух объектов, по делу убийства, и если с этим справлюсь, то он сам попросит министра и снова напишут в Президиум, простят оставшиеся 8 месяцев.

Я с ним согласился и перешел в камеру № 40. Ко мне водворили агента Церетели и объекта Талаквадзе Малхаза, который подозревался в убийстве некоего еврея Иоро (педераст) в гор. Потти. Работая с Талаквадзе, где принимал участие Фролов непосредственно, в мою камеру впустил по заданию Усупяна, Акопяна и Зеракидзе. Усупян сидел в № 37, Акопян и Зеракидзе в № 39. Во время обработки Талаквадзе его избил Усупян и Акопян и вымогали у него признаться, который написал, и я лично это передал Бежанишвили.

Фролов, узнав, что Талаквадзе написал ложное признание, дал опять задание Усупяну избить его. 21 октября 1973 г., во время смены Коблианидзе, Усупяна впустили в камеру № 42, Усупян, воспользовавшись моментом, что в камере были три агента и они его защитят, избил объекта Талаквадзе крепко и возвратился опять в свою камеру.

23 октября Усупян и Акопян ворвались в камеру № 43 и там стали избивать объектов, у одного отняли одеяло, которое я вернул обратно владельцу.

Усупян ходил по всем камерам и, как все другие агенты, избивал объектов по заданию. До крови избил в 44 камере Шириняна, Келбакиани и Гвенцадзе Усупян избил железом, отбив все внутренности, после чего Келбакиани лежал неделю. В камере № 43 Усупян избил Тошкерия, заставлял лазить под кровать и петь песни.

Усупян ходил со своей камеры № 37 и в камеру № 39, где избивал объектов и с Акопяном вместе делал морфий. Всю ночь находился в камере № 44 и там обрабатывал з/к, затем к утру вернулся в свою камеру. Пьяный вдребезги Усупян, которого напоил Фролов, избил агента Гургена Хачатуряна за то, что он болтал на Фролова, что он неправильно работает и взяточник.

Хачатурян кричал на весь корпус, но его никто якобы и не слышал, тогда я зашел и отнял его из рук Усупяна.

Усупян также избивал старика Бигвава, вымогал признание по делу чая. Усупян когда напивался, или курил анашу, себе отчета не отдавал, бывал как дурной.

Хочу отметить и подчеркнуть, что в корпусе систематически объектов избивал Усупян особо жестоко, надеясь на администрацию, т. к. они его много раз выручали. Это могут подтвердить все контролеры, начиная с Келептришвили и кончая до Джангиани и Лхинадзе. Один раз даже Лхинадзе при мне спросил Фролова: почему Усупян избивает так объектов, я видел как он бил Ширипиняна. Фролов ответил ему, так надо для дела.

Уважаемые судьи, вот такие задания давали агентам администрация, что и выполняли агенты безукоризненно».

Далее рассказывается, как начальник режима Панфилов избил з/к Коберидзе и детально описывается убийство з/к Исмайлова на стр. 86-161, за что и судят Цирекидзе и Усупяна.

(Об этом см. протокол судебного заседания по делу № 2254, с 1 по 9 апреля 1975 г.)

В четвертом томе дела № 2254 есть различные заявления з/к агента Цирекидзе. Приведем выдержки из них.

Заявление Министру МВД К. К е т и л а д з е от 15/VI-1974 г. (стр. д. 234-237).

«Агенты переходили в другие камеры, избивали объектов».

«Фролов (опер-уполномоченный) вымогал деньги как у агентов, так и у их родственников».

«Как для дела, так и для личных интересов Фролов заставлял агентов избивать объектов, заставлял приносить деньги». (Они писали письма домой родственникам, которые относили сотрудники, а родственники посылали деньги. — Ред.)

«Фролов превратил корпус в место избиения, гуляния и проституции. В корпусе были факты свыше 100 избиений, за что никто не был наказан».

«Лежава (начальник СИЗО) хотел скрыть факт убийства з/к Исмайлова, Лежава и Ананов (следователь) вырвали мое первое показание с дела, чтобы скрыть факт, и думали, что я возьму всё дело на себя. Они избили меня и хотели застрелить, устроив мне 2 раза побег».

Далее Цирекидзе пишет, что следователь городской прокуратуры Г. Гегелия (бывший начальник следственного отдела КГБ), видя, что Цирекидзе упорствует и пытается обличить МВД, взял курс против него, чтобы свалить на него

всю вину. Цирекидзе пишет: «Гегелия быстро забыл, как я ему помогал в КГБ, сейчас ему нужнее Усупян». (Агент, подельник Цирекидзе. — Ред.).

Цирекидзе пишет также, как сотрудничал с Фроловым з/к Дуру Хурцилава, агент чудовищной силы, полусумасшедший, который ударом кулака сбивал дверь камеры. Впоследствии он убил нескольких заключенных и надзирателей, за что и расстрелян.

Заявление на имя заместителя прокурора республики О. Джибладзе (стр. дела 237).

Здесь повествуется, как агент Усупян В. избил в камере № 37 з/к Кухианидзе Валери, повредил ему внутренности, а врач Аксенцева Цеприлия писала ложный диагноз в журнале. Кухианидзе объявил голодовку, чтобы отделаться от Усупяна, впоследствии его перевели в камеру № 41, где он рассказал, как избивали Тавхелидзе М., Мурусидзе Ю. и т. д.

Агента Усупяна в сентябре 1972 года перевели в СИЗО КГБ в Тбилиси, где он избил з/к А. Бабичева, разбил ему голову, о чем знает следователь КГБ п/п Камкамидзе. После этого Усупяна перевели опять в СИЗО № 1 УИТУ МВД (стр. д. 360).

В заявлении на имя заместителя прокурора республики Л. Т а л а к в а д з е Цирекидзе пишет:

«До 2 ноября 1973 г. я работал в СИЗО КГБ г. г. Кутаиси, Батуми и Тбилиси».

В заявлении на имя прокурора республики А. Такидзе (от 18/IV—74 г.): «Следователь Г. Надарейшвили так ведет дело, чтобы скрыть преступников из МВД. Он говорит мне, что МВД

сильнее всех, даже сильнее чем ЦК, а ты кто такой, несчастный заключенный?»

Есть еще одно заявление на имя нарсуда р-на им. Кирова от 5. III. 1975 г. стр. 6: «Подлые и тупые люди, работники органов, в моей жизни с детства посеяли «корень зла», что развивается по сей день, и жертвой которого я являюсь сейчас».

Стр. 12: «Фролов (опер-уполномоченный) как словами, так и телефоном и официальными документами получал из вышестоящих органов, из прокуратуры, из МВД и т. п. задания об обработке того или иного объекта агентурным образом, вот поэтому Фролов не брезговал ничем, чтобы раскрыть дело».

Стр. 16: «В республиканской больнице списали много убитых объектов во время агентурной обработки, на них составляли различные фальшивые акты».

Стр. 19: «Как быть, когда советский офицер сам избивает заключенного и сам офицер — пьян?»

«В рабочем кабинете опер-уполномоченного устраивались сборища агентов, накрывали стол, пели под гитару, приводили проституток и женщин сотрудниц, строили планы на избиения, гомосексуальное изнасилование мужчин для оперативных целей и многое, что я описывал во многих заявлениях и показаниях».

Стр. 22: «Разглагольствуют о Чилийском правительстве, про репрессии Хунты пишут чудеса, а я рожденный и выросший в Грузии грузин, после всего виденного и перенесенного вижу второе Чили, которое даже превышает первое».

КРАТКАЯ ЗАПИСЬ ПРОЦЕССА Ю. ЦИРЕКИДЗЕ

Судебное заседание 2 апреля 1975 г.

Допрошен свидетель з/к Вахания, который показывает, что обвиняемый Цирекидзе бил по лицу з/к Исмаилова (убитого).

Судья объявляет, что Цирекидзе украл у следователя свое первое показание, хотя на обыске его не нашли. Цирекидзе возражает, что наоборот, это сделал сам следователь Ананов. Потом говорит: «Когда меня называли Рихардом Зорге, я был нужен всем, тогда я был хорошим. Почему Президиум сбавил у меня 2 года, почему объявляли благодарности, почему сам Шеварднадзе пожал мне руку, заключенному, если я был плохой? Я ведь имел столько судимостей? Я погубил тысячи людей, я спас столько сотрудников».

Свидетель Зеракидзе Б. Г. показывает: «Старший опер-уполномоченный Фролов попросил меня написать плохое показание про Цирекидзе и сказал мне, что тот убил человека избиением. Я отказался и он отстал. З/к Кикнадзе, Стефания и Зибзибадзе в кабинете Фролова написали показание против Цирекидзе, а Фролов в знак благодарности угостил их люля-кебабом и водкой. Вместе с этим пригрозил, если откажетесь, я посажу вас в камеру Цирекидзе. В нашей камере избивали з/к Мамуляна, ставили под горячий душ и говорили: «Напиши домой, пусть принесут деньги, не то сдохнешь под душем».

Цирекидзе замечает: «Мамулян был в агентурной обработке. Приводили преступников, следователи не могли распутать узел и использовали таких дураков как я. Я играл роль то дирек-

тора, то вора, то экспедитора и т. д. А когда хитростью не мог добиться цели, избивал».

Судья: «Почему ты так поступал?»

Цирекидзе: «Еще Сталин написал, что аген-тура необходима».

Свидетель Ванецов Р.: «Усупян и Бекаури избили Исмаилова и свалили на Цирекидзе, по наущению Фролова, который напоил водкой Кикнадзе и Стефания за ложное показание».

Цирекидзе: «Я написал 20 заявлений на имя нового начальника СИЗО Габуня, но ни одно не дошло до него. Потом я случайно наткнулся на него, он допросил меня, принял меры и снял Фролова (в следствии участвовал след. Тевдорашвили)».

Потом Цирекидзе спрашивает свидетеля Ванецова: «Что делали Кикнадзе и Стефания с з/к Надирашвили?»

Ванецов: «Насильно совершали с ним акты мужеложества. Говорить об этом запрещал мне Фролов».

Цирекидзе: «З/к Валиани чуть не убили, перебили у него почки, Фролов скрывал, а Габуня не принимал меры».

Судья: «Скажи, Цирекидзе, у тебя было задание убить Исмаилова?»

Цирекидзе: «Задание было избить, а не убить. Надо знать, что в КПЗ избивают хуже, чем у нас, потом приводят к нам — опять избиения, кто выдержит столько».

Судья: «Вот мы вынесем частное решение, чтобы таким, как вы, не давали больше задания обрабатывать зэков. А виновных сотрудников отдадим под суд».

Свидетель Кикнадзе (агент) отказывается дать

показание, т. к. суд открытый, обещает написать показание. Он говорит лишь, что Ванецов лжесвидетель и выгораживает Усупяна.

Свидетель Хатисов говорит со слов з/к Топчиева, что Цирекидзе не виноват.

Свидетель Гава: «Цирекидзе не виноват. О некоторых вещах я умолчу здесь, т. к. судебное заседание открытое. Скажу лишь, что в камере № 40 сидели исправленные з/к (т. е. агенты. — Ред.).

Цирекидзе: «Пять лет сижу в камере, скоро наверное с ума сойду».

Прокурор: «Почему не идешь в колонию?»

Цирекидзе: «Кто отпускает? Когда можешь работать, силен, представителен, умен...»

Свидетель Стефания отказывается от показания, данного на следствии. Судья зачитывает его показание, где он говорит, что якобы Цирекидзе говорил: «Мы нечаянно убили человека, как думаете, меня расстреляют, или нет? Начальство обещало помочь, но пока ничего не видно».

Цирекидзе: «Человека, который встанет на путь агентуры, надо сжечь живым. Вот я ударил себя ножом в живот» (обнажает живот, показывает перевязанную рану).

Судебное заседание 3 апреля 1975 года

(Допрашиваются сотрудники)

Свидетель Годердзишвили (контролер).

Прокурор: «3 дня в камере лежал умирающий человек. Почему вы не заинтересовались?»

Годердзишвили: «Это не входило в мои обязанности. Это обязанность начальника корпуса».

Я не видел, как Исмайлова бил Цирекидзе. (Отвечает адвокату). Я говорил старшим и медсестре, но они не приняли мер».

Судья: «Почему?»

Годердзишвили: «Я удивляюсь, как может быть открытым этот суд. Надо было допустить только сотрудников. Камера № 40 была особая. Цирекидзе объявляли благодарности, он раскрыл более 200 дел».

Цирекидзе «Я дал государству 20 миллионов, сейчас я должен быть генералом, иметь 8 машин и отдельный дом».

Судья (вне себя): «Лжешь, подлец, ты грабил честных граждан, тебе нет места в нашем обществе, тебя надо убрать».

Цирекидзе: «Меня не легко убрать».

Судья: «Наши войска уничтожили 500 дивизий, кто ты такой?»

Цирекидзе: «Пишут о Чили, а здесь худшее творится».

Судья: «Тебе надо предъявить также статью об антисоветской болтовне, ты негодяй, благодаря тебе сажали ни в чем не повинных».

Цирекидзе: «Это они арестовывали, а не я. Они мне состряпали дело, чтобы скрыть след».

Свидетель Тер-Акопов, инструктор из МВД (отвечает на вопрос судьи): «В связи с этим делом сняли с должности одного контролера, оперуполномоченного (Л. А. Фролова. — Ред.), наказаны дежурный и другие, а потом дело перешло в прокуратуру».

Говорится о том, что Цирекидзе пишет в заявлении на имя прокурора республики о том, как начальство говорило: «Скажите, что Исмайлов поскользнулся в туалете и расшиб голову».

Свидетель Майсаия (начальник корпуса): «Я ничего не знаю, ничего не видел».

Судья: «Вы обязаны были знать».

Майсаия: «Да, но я боялся войти в камеру, у них в руках были железные палки».

Судья: «Кто дал им палки?»

Прокурор: «Почему ты не вызвал людей? Ты что-то скрываешь».

Майсаия теряется, бормочет невнятные слова.

Свидетель Гвасалия (офицер): «Цирекидзе хотел меня подослать к Бекаури, чтобы тот дал нужное показание».

Цирекидзе: «Бекаури твой родственник, и потому ты стоишь за него горой».

Ругают друг друга.

Свидетель Деканосидзе (сотрудник): «Ничего не знаю, ничего не видел».

Свидетель Фролов Л. (бывший старший инспектор): «Цирекидзе просил меня и начальника Лежава, чтобы мы свалили всю вину на Усупяна».

Адвокат: «Почему вы держали Цирекидзе при тюрьме 5 лет?»

Фролов: «Он сотрудничал с органами. Он имел задание от меня обработать Вахания. О покойном Исмайлове у него не было задания».

Адвокат: «Тогда почему вы показали раньше, что он имел от вас подобное задание?» (указывает страницу дела).

Фролов: теряется, молчит.

Адвокат: «Когда Цирекидзе украл показание, вы обыскали его камеру или нет?»

Фролов: «Да, обыскал».

Адвокат: «Однако вы сами говорили следователю, что он сжег показание на ваших глазах» (указывает страницу дела).

Фролов: смущается, молчит.

Судья (адвокату): «Оставь такие вещи, зачем ты делаешь это?»

Адвокат: «Как зачем, они хотят свалить всю вину на Цирекидзе, а сами хотят быть в стороне».

Судья (обращается к Цирекидзе): «Дело Цулая знаешь? Он говорит, что ты вынудил его написать признание».

Цирекидзе: «Да, я его обработал».

Судья: «Ты его тоже собирался убить?»

Цирекидзе: «В этой тюрьме многие умирали от избиения, теперь возьмите и свалите всех на меня».

Судья: «Ты обнаглел, потому что мы потворствовали тебе. Мы должны были сослать тебя в тайгу, как только увидели, что ты столько болтаешь. Советская власть не так уж слаба, чтобы нуждаться в твоей помощи».

Свидетель Коблианидзе (сотрудник, контролер): «Цирекидзе говорил мне: «Не бойся, Исмайлов не умрет, мы его откачаем, ты не звони никуда, а то будешь плохим человеком, и я побью тебя. У меня было задание обработать Исмайлова». Потом отнял у меня ключи и убежал, я позвонил в комендатуру, и еле отняли. Я был предупрежден начальником режима, чтобы скрыть преступление. Для этого я достоин наказания. Цирекидзе говорил мне: «Скажи, что он поскользнулся в туалете, будет магарыч, начальство знает всё, они нам помогут». Я знал, что

Цирекидзе был агент и всё, что он делал, было нужно».

Судья (обращается к Цирекидзе): «Ты говоришь, что дело убийства Исмаилова раскрыл ты, и что начальник режима Панфилов хотел скрыть?»

Цирекидзе: «Совершенно верно».

Судебное заседание 4-го апреля
1975 г.

(Допрашиваются свидетели-сотрудники)

Свидетель Татунашвили (офицер): «Мне сказали, что Исмаилов умер от наркотиков, которые он принял».

Свидетель Инасаридзе (сотрудник): «Я же знал, что его избили, Татунашвили мне сказал, что он выпил какие-то таблетки».

Судья: «Говорили ли вы заключенным, что это дело надо скрыть, замять?»

Инасаридзе: «Нет, не говорил».

Цирекидзе: «Разве вы не присутствовали 27 октября вместе с Панфиловым и Тереховым при составлении акта? Вы же сказали мне, что он избит? Администрация выработала версию, якобы Исмаилов умер от воспаления легких и от наркотиков, они всех вас научили так говорить, чтобы скрыть преступление».

Судья: «Где остальные свидетели?»

Никто не появляется.

Судья (выходит из терпения): «Я пожалуйюсь министру МВД, пожалуйюсь в ЦК, что вы ни во что не ставите суд. Что вы тут делаете, кроме убийства людей? Почему не принимают меры

начальник тюрьмы (Габуния. — Ред.) и заместитель? Почему нет сотрудников на месте? Знайте, что я буду ходатайствовать, чтобы сняли всех сотрудников, которые не являются».

Другие сотрудники выходят из клуба, чтобы позвать свидетелей.

Судья (с гневом): «Вот почему обливают вас грязью эти заключенные, мы не обнародовали некоторые материалы, чтобы не испортить на строение у людей».

Женщина-сотрудница: «Да, они совсем обнаглели».

Судья (с гневом): «Вот в этих томах это заведение (СИЗО) характеризуется как фашистская организация. Почему не приходят сотрудники? Почему не оправдываются? Мы всех отдадим под суд, кто вымогал деньги у заключенных посредством Цирекидзе. А теперь мы прекратим дело и пусть министр Кетиладзе приводит свидетелей сюда, откуда хочет. Посмотрите, что пишет з/к Цулая. Кроме Цулая здесь изуродовали и погубили более 200 человек, все это надо расследовать. Позовите начальника тюрьмы».

Начальник не является.

Судья: «Я допросил здесь 20 человек сотрудников, все оказались тупицами. Они сами же признали, что напрасно сидят на своих местах. Я напишу заявление, что неправильно решение о выделении дела Ю. Цирекидзе от общего дела. Пусть объединят и всех вместе, и старших и младших привлечем к ответственности. Человек умирает, умоляет вас привести доктора, а вы не приводите, пока не умрет. Резве первый случай?»

Прокурор: «Как можно судить офицеров вместе с этими отщепенцами, разве они им товарищи?»

Судья: «Да, как раз товарищи, вот сколько свидетелей доказывают это. Если не товарищи, кто давал этим заключенным ключи от камер, кто давал им такие льготы?»

Приводят заместителя начальника СИЗО Бурдули.

Судья: «Почему вы издеваетесь над нами? Почему не идут свидетели? Почему вам наплевать на все?»

Бурдули: «Что делать, г-н судья, некоторые ушли, некоторые замуж вышли, некоторые наводятся на объектах».

Судья: «Я допросил здесь опер-уполномоченного Фролова. Он так разговаривал с Цирекидзе, как будто этот последний был его начальником, а не наоборот. Бурдули, скажите где акт, который был составлен после убийства?»

Бурдули: «Не знаю».

Судья: «Вы уничтожили акт, чтобы скрыть свое преступление».

Свидетель Коблианидзе, контролер, здесь заплакал и сказал, как ему грозили арестом, если не отстанет от Цирекидзе: «Пусть крадет ключи, сколько хочет, не твое дело», — говорили ему.

Цирекидзе: «Что я сделал кроме хорошего? Что хотите от меня?»

Прокурор: «Кому ты делал хорошее?»

Цирекидзе: «Правительству».

Прокурор (вне себя от ярости, ругает и поносит Цирекидзе): «Ты подонок, негодяй, нахал и т. п.».

Цирекидзе: «Я раскрыл 200 нераскрытых дел, я дал государству 20 миллионов только чистыми деньгами, я насильно выкачивал их от арестованных миллионеров». (Потом обращается к Бурдули): «Усупян говорил, как вы советовали ему скрыть факт убийства».

Бурдули: «Ничего подобного».

Объявляется перерыв.

Вызывается эксперт. По заключению экспертизы смерть наступила от кровоизлияния в полость черепа. Химическое исследование трупа не обнаружило отравляющих веществ. Второе тяжелое повреждение: кровоизлияние в полость живота.

При вскрытии трупа нарушена процессуальная норма, следовательно не присутствовал.

Цирекидзе: «У Исмайлова была абсцидированная пневмония, может быть он умер от этого?»

Эксперт: «Нет, смерть наступила от травмы в череп».

Цирекидзе читает вслух историю болезни Исмайлова, заключение врача, согласно которому его надо было перевезти в больницу.

Цирекидзе: «Вместо больницы его привели к нам, в камеру № 40, т. к. он был в обработке».

Судья (вне себя от ярости, растерянно): «Обрабатывать, значит убивать, да? Кто тебе указал размозжить ему голову?»

Цирекидзе: «А как избивают в КПЗ? Исмайлова избили еще там, а потом сюда привезли. Я не признаю себя виновным. Допросите всех свидетелей, например, Бекаури».

Судья: «Бекаури в побеге».

Цирекидзе: «Я не отрицаю, что у меня было задание заставить з/к Цулая К. любым путем написать признание, что ему дали взятку. Я выполнил задание, его избил. А Исмайлова не избивал. Все мои показания правильны, я их подтверждаю, не подтверждаю лишь то показание, которое написано от руки следователя Г. Надарейшвили, я не знаю, что он писал. Я знал Гегелия из КГБ, но он обманул меня вместе с Тевдорашвили и меня заставили написать ложное показание. Мне сказали: «Отстань от администрации, от Усупяна, возьми вину на себя, мы дадим тебе лет 5, потом пополам и будешь на свободе». На самом деле Исмайлова избил Бекаури, а Усупян так сильно толкнул его, что тот ударился головой о стену и умер через 3 дня. Опер Фролов сказал: «Ничего, не первый случай, пусть лежит себе и выздоровеет. Если кто вас спросит, скажите, что поскользнулся и ударился головой о пол». Я же не унимался, поднял тревогу и наконец притащил врача.

Что касается Цулая, его вынудили написать признание я и Элоян. Я знал всех, кто был наркоманом, им сама администрация давала наркотики».

Прокурор: «Давал ли тебе Фролов задание пытаться и избивать заключенных?»

Цирекидзе: «Да, он давал нам задания, и сам избивал».

Прокурор: «Лжешь, Фролов не дал бы такое задание».

Цирекидзе (вскакивает с места): «Как, вы — прокурор, и не знаете, что здесь творится?»

Судья: «У нас есть документ о том, что задания получал только ты. Как тебе не стыдно, у

тебя 4 судимости, а теперь судят тебя в пятый раз».

Цирекидзе: «Большое дело. Сталин имел три судимости. Может быть я тоже когда-нибудь стану вождем».

Смех в зале.

Вызывают свидетеля Панфилова, начальника режима, он оказывается в Киеве.

Адвокат протестует по поводу 129 статьи («Неоказание помощи») и говорит, что в обязанности Цирекидзе не входило оказать помощь, за это надо привлечь к ответственности других.

Адвокат (обращается к Цирекидзе): «О чем ты сожалеешь больше всего?»

Цирекидзе: «О том, что я связался вот с ними» (указывает на сотрудников).

Судебное заседание 8-го апреля
1975 г.

Усупян говорит Цирекидзе: «Когда ты бил Исмайлова, то тебя умолял: «Не бей меня, у меня пятеро детей».

Цирекидзе: «Однако смертельным оказалось повреждение, которое ты причинил ему. Ты избивал Забеяна в 39-й камере, Хачатуряна Гургена в 37-й камере, в 40-й — Талаквандзе Малхазя, его перевели в 42-ю, Коблианидзе вывел тебя из 37-й и впустил туда, и ты опять избил его. В 44-й ты избивал Гвенцадзе, который кричал, что его убивают и звал на помощь, в 44-й ты избил Келбакиани железной палкой, он не мог прийти в себя целую неделю, он был водитель, сидел за «халтуру». В камере 37 ты избил Бигвава,

старика, который сидел по делу чая, в 44-й — Шириняна и т. д.».

Усупян: «Я докажу тебе, что ты и других убивал».

Его прерывают.

Выступает прокурор Мачарадзе. Он отмечает, что в СИЗО № 1 не было порядка и что он надеется, что новый начальник тов. Габуния все исправит и наведет порядок. Исмаилов был в тюрьме впервые, а его убийцы рецидивисты. «Они говорят, что им поручили его обрабатывать. Может быть это правда, но они наверное поручили им работать в границах порядочности (!).

Сегодня советская законность стоит на столь высоком уровне, что никто не мог давать подобные поручения, это было в прошлом, сейчас это исправлено в нашем государстве, для этого понадобилось 15-20 лет. Тех, которые давали подобные задания, наше государство расстреляло. Показание выкрал по всей вероятности Цирекидзе*, следовательно его не украл бы, я его знаю, он у меня работал, и не жду этого от него.

Цирекидзе ударил Исмаилова в живот, а Усупян в голову, эксперт заявил, что смерть наступила от головной травмы, однако нельзя сказать, что вина одного больше, а другого меньше**.

* Прокурор умолчал о том, что, кроме показания, пропал акт, составленный на месте происшествия, и другие документы, свалить это на Цирекидзе невозможно.

** Прокурор явно выгораживает Усупяна, потому что этот последний — более «конспиративный» агент, он не изобличает начальство, молчит.

Та версия, что они хотели заставить Исмаилова написать письмо домой, не подтверждается. Спрашивается: что было причиной убийства?..** Нет, нет, мы должны постараться все-таки исправить их, они еще молодые, у них семьи... Но все-таки, что может облегчить им участь? Не знаю, не знаю (прокурор забывает, что Цирекидзе раскрыл около 200 дел). 129-ую статью надо снять. Для Цирекидзе я требую 6 лет, для Усупяна 5 лет*** строгого режима».

Выступает адвокат. Он спрашивает: «Зачем понадобилось следствию создавать столько томов? Зачем столько свидетелей, когда преступление совершилось в четырех стенах и при нем присутствовало только 5 человек?»

Цирекидзе не родился преступником. Он был спортсменом, чемпионом СССР, студентом ин-та физкультуры, имел семью. Он попал в такое положение благодаря бывшим руководящим работникам. Зачем держали его в тюремном заключении столько лет? Зачем не отправили в колонию? Они говорят, что он был им нужен, так заявил здесь один свидетель. Есть ли это нарушение его права? Если вы требуете от Цирекидзе уважения к закону, почему вы сами нарушаете его? Почему не смотрите туда, откуда идет причина всего этого? Цирекидзе был использован слепым орудием, его поощряли, Президиум сба-

** Здесь прокурор забылся и чуть не назвал настоящую причину, потом вдруг спохватился и перешел на другую тему, от этого — бессвязность в его речи на этом месте.

*** Опять льгота для Усупяна, хотя смерть наступила от его удара (головной травмы).

вил ему 2 года, ему обещали льготы, а потом когда преступление выявилось, начальство стало в стороне и Цирекидзе должен отвечать перед законом. Что довело Цирекидзе до всего этого? Те нарушения, которые имело бывшее начальство. Я сам бывший работник МВД, я подполковник, но я никогда не слышал, чтобы в тюрьму заносили столько водки, столько наркотиков, ведь им торговали сами сотрудники! Дисциплина нарушалась, не было контроля. Я думаю, суд должен сказать свое слово частным решением обо всем этом. Я требую минимального наказания».

Слово предоставляется обвиняемому У с у п я н у. Усупян не признает себя виновным и отказывается от слова.

Слово предоставляется обвиняемому Цирекидзе, который говорит, что он не избивал Исмаилова так сильно, чтобы он умер. Его избил сильно Бекаури, вину которого валят на него, потому что у Бекаури есть родственник в республиканской прокуратуре. «Моя жизнь кончена, погибло мое будущее, моя семья. Почему заставляли меня избивать людей? Невинных я не избивал, я избивал тех, на кого было основное задание. Статья 110, II часть также несправедливо предъявлена мне, я не имел намерения избить Исмаилова до смерти. Было бы правильнее предъявить мне 108 статью (телесное повреждение без намерения). («Убийство по неосторожности». — Ред.) Начальство с начала же хотело всю вину свалить на меня. То уговаривали, то пугали. Говорили, что посадят меня с Дуру Хурцилава, и тот покажет мне, как надо отговариваться. Я сказал, что не боюсь его. Потом Панфилов угрожал, что поса-

дит меня в камеру педерастов, но я сказал, что там убью кого-нибудь. Из дела украдено много документов, неужели я украл все их? Если следователь Ананов был честным человеком, как утверждает прокурор, его бы не сняли с должности. Это он украл мое показание, где я обличал начальство. Задания об избиениях и пытках нам всегда давали, это знают все. Я требую оправдания, не признаю себя виновным».

Заседание 9-го апреля 1975 года

Обнародуется обвинительное заключение, где указывается, что обвиняемые Усупян и Цирекидзе на почве личной ссоры избили з/к Исмайлова до смерти. (Истинная причина избиения, т. е. задание об «обработке» умалчивается, ни слова не говорится о роли сотрудников МВД).

Приговор: обоим по 6 лет строгого режима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкое применение пыток в СИЗО № 1 МВД, СИЗО КГБ ГССР совпадает с периодом деятельности министра МВД Э. Шеварднадзе (1965-1972), который ныне является первым секретарем ЦК КП Грузии. Им же создан «специальный» II корпус СИЗО, бойня для з/к «объектов», место разгула палачей МВД, где применялись самые ужасные пытки: избиение железной палкой, прокалывание стальными иглами и прутьями, вздергивание вверх ногами, прижигание тела зажженными папиросами, держание под горячим душем, гомосексуальное изнасилование и т. п. Фарс открытого суда над агентами (с 1 по 9 апреля 1975 года) разыгран для того, чтобы обелить МВД в глазах общественности и всю вину перенести на несчастных жертв з/к агентов Цирекидзе и Усупяна и выгородить главного виновника Э. Шеварднадзе и его клику.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТУ — исправительно-трудовое учреждение
КПЗ — камера предварительного заключения
СИЗО — следственный изолятор
ОБХСС — отдел борьбы с хищениями соц. собственности и спекуляцией
ОУР — отдел уголовного розыска
УК — уголовный кодекс
УИТУ — управление исправительно-трудовых учреждений
УУР — управление уголовного розыска

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сообщение о пытках заключенных в тюрьмах Грузии	3
Показания Карла Цулая. Жалоба Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму	5
Исповедь агента Юрия Цирекидзе	26
Народному суду р-на им. Кирова г. Тбилиси от з/к Цирекидзе Ю. Г. з а я в л е н и е - п о к а з а н и е	28
Краткая запись процесса Ю. Цирекидзе	69
Заключение	85
Список сокращений	86

